

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Рѣчь, написанная для произнесенія на юбилейномъ актѣ Университета (8 Сентября 1884 г.).

Профес. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Совѣтъ Университета св. Владиміра, возложивъ на меня составленіе исторіи Университета за 50 лѣтъ его существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность предложить вашему благосклонному вниманію главнѣйшія явленія прошлой жизни Университета въ этотъ праздничный день его 50-лѣтія. Порученіе сколько лестное, столько-же и тягостное: ни для кого не тайна, что съ нѣкотораго времени печатно и устно заявляются серьезныя обвиненія на русскіе университеты вообще. Обстоятельство это чрезмѣрно увеличиваетъ тяжесть и безъ того нелегкой задачи — дать предъ вами правдивый отчетъ о томъ, чтó сдѣлано нашимъ Университетомъ въ теченіи его полувѣковой жизни. Чуждаясь пріемовъ защитительной рѣчи, мы желаемъ остаться на почвѣ историческихъ фактовъ, и предложить въ нихъ матеріалъ для самостоятельныхъ сужденій уважаемаго собранія.

Университетъ св. Владиміра въ 50 лѣтъ своей прошлой жизни, перешелъ чрезъ нѣсколько различныхъ системъ устройства и управленія и каждая изъ нихъ выразилась въ достаточномъ числѣ рельефныхъ результатовъ, о которыхъ судить мы не беремся. Эти различныя перемѣны въ судьбѣ Университета сводятся, однако, къ двумъ главнымъ періодамъ исторіи его,—именно къ періоду жизни его въ царствованіе Императора Николая Павловича и ко времени царствованія Императора Александра Николаевича.

Университетъ св. Владиміра учрежденъ уставомъ 25-го декабря 1833 г. и открытъ 15 іюля 1834 г.; а такъ какъ активная жизнь его и дѣятельность началась съ открытія лекцій, то и исторія ея можетъ быть начата лишь съ сентября 1834 года.

Университетъ въ Кіевѣ основанъ по мысли гр. С. С. Уварова, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, и первые 15 лѣтъ своей жизни провелъ подъ управленіемъ этого достопамятнаго государственнаго человѣка, который съ совершенною ясностію опредѣлилъ значеніе и цѣль высшаго русскаго образованія въ юго-западномъ краѣ имперіи.

Особая цѣль учрежденія Университета въ Кіевѣ объясняется предшествующимъ состояніемъ общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ. До начала 30-хъ годовъ текущаго столѣтія все среднее и высшее образованіе русскаго юго-запада было польское по языку и направленію. А такъ какъ образованіе создаетъ интеллигентный классъ общества, и въ частности тотъ, на который возлагается вся государственная и общественная дѣятельность, то неудивительно, что весь край получилъ видъ польской провинціи; за высшими и средними руководящими классами не была видна многомилліонная масса русскаго сельскаго населенія. „Языкъ русскій едва былъ слышанъ на этомъ огромномъ пространствѣ", говорилъ гр. Уваровъ. Система польскаго общественнаго образованія установлена была въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка польскою эдукаціонною коммиссіею и затѣмъ укрѣплена здѣсь гр. Тадеушемъ Чацкимъ во времена русскаго владычества подъ покровительствомъ великодушной терпимости Императора Александра I. Гр. Чацкій, преобразовавъ нѣкоторыя среднія училища (монастырскія и государственныя), всю свою дѣятельность сосредоточилъ на основанной имъ Кременецкой гимназіи, для которой собралъ огромныя по тому времени средства. Воспротивившись открытію Университета въ Кіевѣ въ 1805 г., онъ предназначилъ замѣнить Кременецкою гимназіею университетъ для юго-западнаго края; и послѣ его смерти въ 1819 г. она дѣйствительно переименована въ Волынскій лицей. Кромѣ устраненія русскаго языка изъ школъ и проникновенія всей системы образованія польскими національными и политическими идеалами, эта система заключала въ себѣ и внутреннія существенныя недостатки, а именно: пестрое разнообразіе наукъ главнымъ образомъ прикладнаго, промышленнаго характера, пріученіе молодежи къ ораторству и фразер-

ству, введеніе въ бытъ школьниковъ старыхъ порядковъ шляхетскаго самоуправленія бывшей Рѣчи Посполитой. Въ результатѣ всего этого явилось раннее зараженіе школьной молодежи мѣстною политикою. Всѣ эти недостатки отразились съ наибольшею силою на Волынскомъ лицеѣ—и всплыли наружу въ годину испытаній во время польскихъ движеній 1831 года. Почти всѣ учебныя заведенія юго-западнаго края, скомпрометированныя въ то время, были закрыты; на мѣсто ихъ открывались потомъ постепенно русскія гимназіи и училища; лицей-же рѣшено перевести изъ Кременца въ Кіевъ и затѣмъ преобразовать его въ Университетъ, что́ и совершено уставомъ 25 декабря 1833 года.

Университетъ былъ учрежденъ въ составѣ двухъ факультетовъ: философскаго (нынѣшнихъ: историко-филологическаго и физико-математическаго) и юридическаго. Впрочемъ въ первый годъ былъ открытъ одинъ философскій факультетъ; организація юридическаго факультета относится къ слѣдующимъ годамъ. Университету предоставлено: избирать ректоровъ на 2 года, проректоровъ и декановъ ежегодно,—а равно избирать преподавателей и чиновниковъ управленій; университетская полиція подчинена непосредственному вѣдѣнію ректора. Лишь матеріальныя средства Университета далеко не соотвѣтствовали широтѣ и важности его задачъ. Университету дано призваніе насаждать просвѣщеніе на русскихъ началахъ не только въ себѣ самомъ, но и въ цѣломъ краѣ, такъ какъ по первому уставу (1833 г.) Университету ввѣрялось и управленіе всѣми училищами округа. Впрочемъ первоначально упомянутая цѣль была опредѣлена въ уступчивомъ смягченномъ видѣ: требовалось содѣйствовать духовному примиренію польской и русской національности путемъ просвѣщенія. „Сліяніе политическое не можетъ имѣть другаго начала, кромѣ сліянія моральнаго и умственнаго", говорилъ гр. Уваровъ. Для этой цѣли былъ призванъ человѣкъ, какъ разъ соотвѣтствовавшій ей по своей натурѣ, человѣкъ искренняго сердца, прямой, довѣрчивой (даже слишкомъ довѣрчивой) души, открытаго характера; то былъ первый попечитель нашего округа — Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Для той-же цѣли изъ Кременца былъ переведенъ въ Кіевъ почти весь составъ преподавателей польскаго происхожденія; а съ другой, т. е. русской стороны, назначены такіе люди, какъ многосторонній Максимовичъ, ботаникъ, зоологъ, филологъ, историкъ и литераторъ, затѣмъ Цыхъ, человѣкъ души глубокой

и серьезной, и Новицкій, изъ которыхъ первые двое послѣдовательно управляли Университетомъ въ качествѣ ректоровъ. Въ ново-организованномъ (въ 1835 г.) юридическомъ факультетѣ допущена такая-же двойственность: главное зерно его составили великоруссы—воспитанники Сперанскаго, въ томъ числѣ Неволинъ, управлявшій Университетомъ послѣ Цыха въ трудное время переворота и смутъ,—человѣкъ съ умомъ холоднымъ, но твердымъ и блестящимъ, какъ сталь; въ томъ числѣ былъ и талантливый Богородскій; но къ нимъ присоединены изъ Кременца Мицкевичъ и бывшій Виленскій профессоръ Даниловичъ. Съ этими двумя главными элементами сопоставленъ нѣмецкій—дерптскій, для котораго былъ чуждъ „старый споръ славянъ между собою" и который своею индифферентностію могъ нейтрализировать крайности двухъ остальныхъ при возможныхъ увлеченіяхъ.

При такомъ счастливомъ составѣ Университетъ св. Владиміра началъ блистательно свою дѣятельность. Теперь въ первый разъ заговорили здѣсь о правахъ русскаго населенія въ этомъ краѣ,—не правахъ, основанныхъ лишь на военной и полицейской силѣ, а о тѣхъ, которыя можетъ предъявлять наука; въ первый разъ чуждое населеніе научалось уважать въ другой націи силу знанія, таланта и цивилизаціи. Теперь и здѣсь послышался русскій языкъ, и притомъ какой языкъ! Тайна могучаго творческаго слова тѣхъ временъ уже потеряна для насъ. Несомнѣнно, все это производило впечатлѣніе на молодые умы мѣстнаго населенія, хотя результатовъ такихъ впечатлѣній приходилось ждать терпѣливо и долго. Но испытать до конца програму примиренія не удалось: старый—лицейскій и отчасти новый юго-западный составъ слушателей далеко превосходилъ числомъ студентовъ русскихъ съ лѣваго берега Днѣпра и въ большинствѣ жилъ еще прежними традиціями, завѣщанными Чацкимъ; въ 1838 г. часть его была увлечена агентами Конарскаго на путь конспирацій и тайныхъ обществъ; тогда рѣшено Университетъ закрыть, а всѣхъ студентовъ его размѣстить въ другіе университеты, или на государственную службу; но потомъ такая судьба постигла только католиковъ—поляковъ. Университетъ остался при 58 студентахъ. Профессора польскаго происхожденія частію уволены за выслугою срока, частію переведены въ другіе университеты. Переворотъ унесъ съ собою и главнаго дѣятеля той эпохи Е. Ѳ. фонъ-Брадке.

Такъ исчезъ двойственный составъ Университета св. Владиміра, а вмѣстѣ съ ними и трудная примирительная роль его: Университетъ Кіевскій сталъ просто русскимъ Университетомъ по составу преподавателей своихъ, но не слушателей. Не легко было скоро оправиться молодому Университету отъ такого ранновременнаго погрома: половина каѳедръ опустѣла; русскихъ готовыхъ ученыхъ силъ налицо не оказывалось; не много было на русской землѣ такихъ людей, какъ Н. Д. Иванишевъ, начавшій тогда свою профессорскую дѣятельность; вмѣстѣ съ нимъ появились Н. А. Дьяченко и Ал—дръ Н. Тихомандрицкій. Для наполненія образовавшейся пустоты, пришлось прибѣгнуть преимущественно къ нѣмецкому элементу, въ составѣ котораго постепенно появляются почетнѣйшія и извѣстныя имена Траутфеттера, Мидендорфа, Гофмана, Кесслера и др. Тѣмъ не менѣе пришлось также обратиться опять отчасти и къ польскому элементу, именно къ наслѣдству закрытаго Виленскаго университета, откуда впрочемъ взятъ одинъ проф. Фонбергъ.

Хотя Университетъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ успѣлъ нѣсколько укомплектоваться преподавателями и упорядочить свое преподаваніе, хотя устраивалась и упрочивалась его внѣшняя жизнь (съ 1842 г. онъ перешелъ въ свое новое, громадное помѣщеніе, въ которомъ и нынѣ празднуетъ свое 50-лѣтіе), но внутреннее значеніе его понизилось; уже и прежде онъ отстраненъ отъ управленія округомъ, лишенъ вліянія на инспекцію; но при Брадке общее высокое значеніе его было признаваемо; съ выходомъ Брадке, преемники его: кн. С. И. Давыдовъ (1839—45) и ген.-маіоръ Траскинъ (1845—48 гг.) неясно понимали задачи университетовъ вообще и въ особенности университета въ юго-западномъ краѣ имперіи. Первоначальная цѣль учрежденія Университета въ Кіевѣ мало-по-малу исчезла изъ виду; если потеряна была вѣра въ возможность перевоспитанія польскаго населенія путемъ науки, то оставалось еще средство—вызвать къ жизни мѣстные русскіе элементы населенія; но тогда уже болѣе обращали вниманія на соціальный составъ слушателей, чѣмъ на національный; приняты были нѣкоторыя мѣры къ предотвращенію наводненія Университета лицами низшихъ классовъ, изъ которыхъ состояло однако все русское населеніе этого края. Университетъ исполнялъ обыкновенныя учебныя и практическія задачи, такъ какъ бы находился въ мирномъ углу внутри

Имперіи, а не на передовомъ посту борьбы за русскую національность. Заурядная практическая дѣятельность особенно усилилась съ открытія медицинскаго факультета; указомъ 27 апрѣля 1840 г. повелѣно перевести въ Кіевъ Виленскую медико-хирургическую академію и присоединить ее къ Университету; дѣйствительное-же открытіе перваго курса медицинскаго факультета послѣдовало съ начала 1841—42 учебнаго года: впрочемъ виленскихъ ученыхъ польскаго происхожденія не оказалось въ составѣ нашего медицинскаго факультета ни одного.

Всѣ указанныя обстоятельства, въ особенности переломъ 1839 г. и открытіе медицинскаго факультета, неотложно требовали новаго устава, тѣмъ болѣе, что уставъ 1833 г. былъ лишь временнымъ; при самомъ изданіи его ему былъ предназначенъ четырехлѣтній срокъ дѣйствія, который въ 1838 году продолженъ на новое четырехлѣтіе. Дѣйствительно, въ 1842 г. данъ новый спеціальный уставъ Университету св. Владиміра, хотя въ другихъ университетахъ давно дѣйствовалъ общій уставъ россійскихъ университетовъ. Уставъ 1842 г. былъ пробою пересадки на русскую почву нѣмецкихъ университетскихъ порядковъ: студенческій курсъ раздѣленъ на семестры; сообразно съ этимъ узаконенъ двукратный пріемъ въ году студентовъ въ Университетъ; матрикуляризированный студентъ, въ продолженіи 4-хъ или 5-ти лѣтъ, могъ слушать предметы своего факультета когда хотѣлъ и въ какомъ угодно порядкѣ. Всякіе экзамены, кромѣ испытаній на степень, уничтожены. Введена приватная доцентура. Хотя во многихъ основныхъ чертахъ уставъ 1842 года строго держался началъ устава 1833 г. и общаго устава россійскихъ университетовъ 1835 г., но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже отступилъ отъ нихъ: вмѣсто прежняго избранія ректора на два года, этотъ уставъ ввелъ избраніе двухъ кандидатовъ на ректорство, утвердилъ четырехлѣтній срокъ службы ректора и опредѣлилъ (хотя и условно) высокій минимумъ обязательныхъ лекцій для профессоровъ. Всего важнѣе было то, что штатъ 1842 г. почти не возвысилъ прежняго жалкаго содержанія профессоровъ.

Въ слѣдствіе этого Университетъ началъ свою жизнь при новомъ уставѣ не пріобрѣтеніемъ новыхъ силъ, а потерею прежнихъ: ушелъ Неволинъ, въ которомъ Университетъ лишился не только своего даровитаго преподавателя, но и своего лучшаго ректора, съумѣвшаго спа-

сти Университетъ въ грозное время смутъ; на его мѣсто ректоромъ избранъ добродушный и неэнергичный В. Ѳ. Ѳедоровъ. За Неволинымъ ушелъ его даровитый адъюнктъ Романовскій; раньше того уединился на свою идиллическую Михайлову гору Максимовичъ, а затѣмъ еще разъ появившись на короткій срокъ на каѳедрѣ, ушелъ навсегда; затѣмъ Университетъ лишился глубокаго мыслителя—философа и богослова Авсенева; одни за другимъ оставили его: Миддендорфъ, Гофманъ, предпочитая или болѣе видную ученую дорогу, или болѣе выгодную практическую карьеру. Между тѣмъ по новому уставу число каѳедръ еще увеличено; почти половинѣ всѣхъ каѳедръ суждено было долго оставаться вовсе безъ преподавателей. Университетъ тщетно прибѣгалъ къ конкурсу; обращался за рекомендаціею къ прочимъ русскимъ университетамъ; онъ не пріобрѣлъ ни одного преподавателя этими путями. Лишь просвѣщенныя усилія гр. Уварова дали ему нѣкоторыхъ, и въ томъ числѣ такую крупную ученую силу, какъ К. Ѳ. Кесслеръ.

Тогда пришлось прибѣгнуть къ старинной испытанной мѣрѣ—отправленію цѣлой серіи молодыхъ людей заграницу для приготовленія къ профессорскому званію. Одновременно съ возвращеніемъ ихъ въ 1847 г., Университетъ пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ преподавателей изъ главнаго педагогическаго института и другихъ университетовъ. Тогда сложился сразу новый, молодой составъ Университета изъ людей большею частію талантливыхъ: Н. И. Костомарова, и потомъ П. В. Павлова, В. Я. Шульгина, А. И. Селина, Вернадскаго, К. А. Митюкова, Пилянкевича, Вигуры, Тутковскаго, К. М. Ѳеофилактова, Роговича и др.; сюда слѣдуетъ присоединить нѣсколькихъ новыхъ преподавателей медицинскаго факультета. „Оживились и зашевелились умы въ Университетѣ св. Владиміра (пишетъ современникъ и дѣятель той эпохи В. Я. Шульгинъ); соціальные и политическіе вопросы выдвинуты были на первый планъ и стали интересовать даже медиковъ спеціалистовъ; старое поколѣніе пробудилось отъ усыпленія, молодое съ увлеченіемъ кинулось слушать лекціи наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ Университетѣ явилась борьба мнѣній и партій; въ результатѣ уже готово было явиться живое отношеніе къ наукѣ и у преподавателей и у слушателей: Университетъ начиналъ быть университетомъ. И вотъ тутъ-то разомъ и круто обрушились на него суровыя дисциплинарныя мѣры, вызванныя европейскими волненіями 1848 года“.

Въ эпоху 1849—1855 гг., послѣ выхода изъ министерства гр. Уварова, какъ извѣстно, общіе порядки въ управленіи народнымъ просвѣщеніемъ значительно измѣнились. Въ частности въ Кіевскомъ учебномъ округѣ должность попечителя возложена на мѣстнаго генералъ-губернатора, которымъ былъ тогда знаменитый Д. Г. Бибиковъ, творецъ инвентарныхъ правилъ и будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, а послѣ него кн. Ил. Ил. Васильчиковъ. О первомъ изъ нихъ извѣстно, что онъ, не призывая Университетъ къ содѣйствію своей патріотической дѣятельности и мало цѣня гуманныя науки, покровительствовалъ однако реальнымъ и естественно-историческимъ знаніямъ и содѣйствовалъ экономическому преуспѣянію Университета. Коронным ректоромъ былъ назначенъ прежній избранникъ совѣта Р. Э. Траутфеттеръ,— личность, около которой группируются всѣ свѣтлыя воспоминанія той эпохи, умный и добрый товарищъ, хотя и придерживавшійся строгой формальности въ дѣлахъ Университета, создавшій собственными, почти личными трудами огромный ботаническій садъ и долгое время одинъ преподававшій всѣ части ботаники. Съ поступленіемъ короннаго ректорства, онъ пересталъ быть профессоромъ. Проректоровъ въ ту эпоху уже не было. Деканами остались нѣкоторые, избранные прежде; но на другихъ факультетахъ назначены были новые выборы. Въ составѣ преподавателей Университетъ понесъ тогда довольно тяжкія утраты: тогда пересталъ преподавать О. М. Новицкій, даровитый представитель первыхъ временъ Университета, въ слѣдствіе общаго закрытія во всѣхъ университетахъ каѳедры философіи и присоединенія этого предмета къ богословію. Тогда вышелъ Богородскій—одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Сперанскаго. Одинъ за другимъ сошли съ служебной и жизненной сцены почти всѣ молодые юристы, приготовленные за границею въ срединѣ сороковыхъ годовъ. Всѣхъ этихъ послѣднихъ похитила смерть. Эти утраты съ избыткомъ, впрочемъ, вознаграждены избраніемъ на каѳедры: Н. Х. Бунге, В. А. Незабитовскаго, И. И. Рахманинова, Ѳ. Ѳ. Меринга и др., большею частію до сихъ поръ подвизающихся на научномъ поприщѣ въ стѣнахъ Университета.

Въ тѣ дни грозной Севастопольской борьбы, Университетъ св. Владиміра сослужилъ свою посильную службу отечеству: трое профессоровъ—медиковъ и нѣсколько студентовъ работали на театрѣ войны

на пользу страждущей арміи и получили признаніе своихъ заслугъ отъ Высочайшей власти.

Нормальная, т. е. ученая, дѣятельность Университета проявилась въ изданіи болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ по естествознанію въ „Описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа",—трудовъ принадлежавшихъ Кесслеру, Траутфеттеру, Роговичу, К. М. Ѳеофилактову и др. Упомянутые профессора ежегодно путешествовали по южной Россіи и собирали предметы, увеличивавшіе университетскія коллекціи.

Тогда былъ основанъ нынѣшній обширный анатомическій театръ и метеорологическая обсерваторія.

Изъ сферы гуманныхъ наукъ слѣдуетъ отмѣтить усилившуюся въ то время дѣятельность Кіевской археографической коммиссіи, или такъ называемой коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, которая хотя и не состояла въ связи съ Университетомъ, но находилась подъ руководствомъ проф. Н. Д. Иванишева и въ высшей степени содѣйствовала правильному уясненію отношеній между юго-западною Русью и Польшею.

Мѣры строгости ослабѣли въ 1855 г., т. е. съ первою зарею новаго царствованія. Но и новое царствованіе не сразу могло установить прочный порядокъ на основаніяхъ противоположныхъ предшествующему времени. Нача́ло его, т. е. эпоха 1855—1863 г., есть время общаго оживленія, порыва къ реформамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ волненій и смутъ. Какъ всякая переходная эпоха, она является двуличнымъ Янусомъ, отличаясь эксцессами и бурными волненіями, но въ то-же время горячими порывами къ работѣ въ сферахъ административной, общественной и ученой.

Всѣ усилія Университета были употреблены на то, чтобы направить новый порывъ ко благу высшаго образованія и самой молодежи.

Въ 1856 г. возстановлено управленіе чрезъ попечителя и на эту должность назначенъ Ребиндеръ, человѣкъ умѣренный и практичный: но и онъ считалъ необходимымъ входить не разъ съ представленіями о реформахъ въ Университетѣ, признавая ихъ совершенно неизбѣжными. При смѣнившемъ его въ 1858 г. Н. И. Пироговѣ, порывъ къ реформамъ сдѣлался неудержимымъ, согласно съ общимъ настроеніемъ

тогдашняго русскаго общества. Подъ шумомъ этихъ движеній начали оживать мѣстныя польскія тенденціи, которыя не могъ поразить навсегда Д. Г. Бибиковъ со всѣмъ своимъ административнымъ умомъ и всемогуществомъ власти.

Въ 1859 г. Траутфеттеръ сошелъ съ университетской сцены; но назначенъ былъ опять коронным-же ректоромъ Н. Х. Бунге. Такимъ образомъ университетская жизнь остановилась еще на полдорогѣ и дѣятели Университета не знали, какимъ закономъ руководствоваться. Состояніе дѣлъ нѣсколько опредѣлилось лишь со времени Высочайшаго повелѣнія 1861 года, которымъ наконецъ возстановлено во всѣхъ университетахъ дѣйствіе устава 1835 года, и между прочимъ право выбора ректоровъ совѣтами Университетовъ, а инструкція 1849 г. осуждена на пересмотръ. Многое въ этомъ знаменательномъ актѣ представляло впрочемъ новость, какъ-то: отмѣна пріемныхъ экзаменовъ въ Университетѣ, отмѣна всѣхъ другихъ наказаній для студентовъ, кромѣ исключенія, отмѣна формы студентовъ, обращеніе платы за слушаніе лекцій, кромѣ пособій студентамъ, на улучшеніе содержанія профессоровъ. Словомъ то былъ уже новый уставъ, ничѣмъ въ основаніяхъ не отличающійся отъ будущаго устава 1863 г. кромѣ опредѣленности и полноты, что́ было всего нужнѣе: многія части университетской жизни, пошатнутыя въ 1849 г., не могли быть возстановлены по точнымъ планамъ уставовъ 1835 и 1842 гг. Постоянныя студентскія волненія заставляли совѣтъ Университета св. Владиміра входить съ настоятельными представленіями о необходимости скорѣйшаго изданія органическаго закона; совѣтъ указывалъ, что длящееся переходное состояніе лишаетъ университетскую администрацію всякой энергіи дѣйствій, что каѳедры пустѣютъ, а потому студенты, не занятые наукою, предаются волненіямъ.

Уже эпоха 1849 — 1855 гг. дѣйствительно оставила Университетъ въ полномъ упадкѣ. На юридическомъ факультетѣ осталось только три профессора: К. А. Митюковъ, Н. Д. Иванишевъ и А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій, изъ которыхъ послѣдній дослуживалъ свой срокъ и окончилъ службу въ 1861 г. Факультетъ доносилъ, что отправленіе дѣлъ въ немъ должно прекратиться. Но и новое время не предоставило профессорамъ ничего обезпечивающаго и твердаго; а потому запустѣніе прочихъ факультетовъ продолжалось и теперь: опустѣла на-

долго каѳедра русской исторіи съ переходомъ въ Петербургъ проф. Павлова, а по каѳедрѣ всеобщей исторіи вышелъ совсѣмъ изъ службы В. Я. Шульгинъ. Совѣтъ употреблялъ всѣ усилія для своевременнаго восполненія этихъ пробѣловъ, но наконецъ долженъ былъ заявить, что поиски его обречены и въ будущемъ на безуспѣшность, потому что „учителя столичныхъ гимназій и даже столоначальники департаментовъ находятъ свое положеніе болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ положеніе ординарнаго профессора". Подобное-же опустѣніе постигло и физико-математическій факультетъ съ выходомъ въ концѣ 1857 года проф. Кнорра, въ 1858 г. проф. Фонберга и съ смертію проф. Ѳедорова; въ 1862 г. постигла Университетъ наибольшая утрата — переходъ проф. Кесслера въ Петербургъ. Медицинскій факультетъ потерялъ также представителей важнѣйшихъ каѳедръ—проф. Козлова и Цыцурина, а въ 1859 г. проф. Беккера. При всѣхъ тогдашнихъ невыгодныхъ условіяхъ, совѣтъ тогда уже успѣлъ замѣстить многія каѳедры по физико-математическому и медицинскому факультетамъ, но иногда лицами, не имѣвшими права по своимъ ученымъ степенямъ.

При такомъ сокращенномъ составѣ, коллегія профессоровъ успѣвала, однако, не только вести все преподаваніе и по вакантнымъ каѳедрамъ, но исполнять массу экстра-ординарныхъ работъ; сюда относится въ особенности двукратное разсмотрѣніе проэкта новаго устава; нѣкоторые читали публичныя лекціи; основаны были съ 1861 г. Университетскія Извѣстія и сразу дали ученыя работы, не потерявшія и теперь цѣны. По иниціативѣ Кесслера, устроенъ съѣздъ естественниковъ. Словомъ замѣтно всюду оживленіе и лихорадочная дѣятельность; люди бросились на работу съ энергіею нѣсколько отуманенной, какъ при наступленіи весны отъ прилива свѣжаго воздуха.

Что касается до другаго элемента университетской жизни, т. е. студентовъ, то и въ отношеніи къ нему встрѣчаемъ рядъ новыхъ мѣръ, не объединенныхъ однако общимъ и цѣльнымъ закономъ. Въ то время отмѣнено ограниченіе числа студентовъ штатами; въ 1857 г. дозволено принимать въ Университетъ и лицъ домашняго приготовленія, если они выдержатъ экзаменъ; въ 1858 г. уничтожено предъявленіе листовъ о лекціяхъ. Въ 1859 г. студенты освобождены отъ надзора университетской инспекціи внѣ университета и подчинены вѣдѣнію полиціи на общемъ основаніи. По Высочайшему повелѣнію

1861 г., отмѣнена, какъ мы видѣли, форма въ одеждѣ студентовъ и всѣ наказанія, кромѣ исключенія. Многіе изъ студентовъ воспользовались во благо новою свободою, направивъ свои силы тотчасъ-же на научныя работы. Вмѣсто прежняго равнодушія къ труду, равному по всѣмъ предметамъ, наступило лихорадочное одушевленіе трудами добровольными и излюбленными; переводили съ иностранныхъ языковъ большіе учебники; основали (правда не безъ шума и не безъ волненій) на собственныя деньги довольно богатую собственную студенческую библіотеку. Въ тогдашнихъ отчетахъ можно встрѣтить указанія на мастерскія работы студентовъ по химіи и физикѣ. Многіе добросовѣстно несли труды въ воскресныхъ школахъ и въ начальномъ училищѣ внутри самаго Университета.

Но рядомъ съ такими благими явленіями обнаруживались эксцессы своеволія, какъ единичнаго, такъ и въ массахъ. Обходя молчаніемъ множество постоянныхъ и такъ сказать ежедневныхъ шумныхъ движеній внутри Университета, упомянемъ, что въ слѣдствіе частыхъ столкновеній студентовъ съ военными людьми, наконецъ произошла печальная исторія 4 апрѣля 1857 г. Приговоръ надъ виновными былъ смягченъ ничѣмъ непобѣдимымъ милосердіемъ покойнаго Государя, который, прибывъ въ Кіевъ въ первый разъ послѣ коронаціи, объявилъ полное прощеніе. Между тѣмъ демонстраціи перенесены были въ аудиторіи и принимали національно-политическій оттѣнокъ. Одинъ изъ профессоровъ задумалъ отрезвить мѣстныя политическія страсти чтеніемъ исторіи западной Руси съ русской точки зрѣнія, но выходки слушателей его, большею частію произвольныхъ, заставили его умолкнуть. Политическія движенія Царства Польскаго наконецъ разразились въ Университетѣ съ полною силою. Почти $^3/_4$ слушателей оставили Университетъ. Оставшіеся русскіе составили адресъ для представленія высшему начальству о несочувствіи этимъ движеніямъ и возможности существованія русскаго Университета въ Кіевѣ.

Въ тѣ дни, какъ извѣстно, пробудилось и прояснилось усыпленное патріотическое чувство въ русскомъ обществѣ и положило наконецъ предѣлъ притязаніямъ взволнованной Польши. Въ первые ряды этого патріотическаго движенія стала и профессорская коллегія Университета св. Владиміра. Университетъ представилъ, по поводу возстанія, всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ протестовалъ противъ мя-

тежныхъ попытокъ „среди народа искони русскаго, въ виду древней святыни русской, сохраняющей неизгладимые слѣды кровавой борьбы за православную вѣру и русскую народность“. Вмѣстѣ съ тѣмъ „нѣкоторые изъ профессоровъ, желая опровергнуть ложныя извѣстія о послѣднихъ печальныхъ событіяхъ въ нашемъ краѣ, распространенныя въ иностранной журналистикѣ, считали долгомъ внести въ лѣтопись современныхъ событій страницу, изображающую на основаніи подлинныхъ дѣлъ объемъ и успѣхи польскаго возстанія, а также характеръ борьбы, происходившей въ Кіевской и Волынской губерніяхъ“. Съ этой цѣлію издана въ свѣтъ статья подъ заглавіемъ: „Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи“. Члены университета считали тѣмъ болѣе нужнымъ подать свой голосъ, что польская пропаганда нравственно губила молодыя поколѣнія, отвлекая ихъ отъ серьезныхъ занятій и что Университетъ, по преимуществу, испытывалъ на себѣ дѣйствіе этой разрушительной силы. „Подчиняясь невольно вліянію (говоритъ брошюра), которое съ ранней поры, въ семейной средѣ и у алтаря церкви, охватывало нравственную и духовную сторону ребенка и юноши, студенты поляки, по большей части, не искали въ Университетѣ одного чисто-научнаго, серіознаго образованія. Если силы Университета были слишкомъ слабы для того, чтобы выдержать эту неравную борьбу, то по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право сказать, что мы служили истинѣ въ духѣ примиренія народностей и думаемъ, что настоящая записка, какъ возстановленіе исторической истины, направлена къ достиженію той-же самой цѣли *). Такъ напомнилъ Университетъ свою первоначальную цѣль, указанную ему при его основаніи. Брошюра была представлена Государю Императору, который повелѣлъ „объявить составителямъ благоволеніе Его Величества“ (отчетъ 1863 г.).

Это важное національное движеніе составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи нашего Университета, въ которомъ съ того вре-

---

*) Брошюра подписана: Н. Д. Иванишевымъ, И. Я. Нейкирхомъ, Н. А. Дьяченко, С. С. Гогоцкимъ, Н. Х. Бунге, Н. А. Ѳаворовымъ, А. П. Шидловскимъ, С М. Ходецкимъ, А. П. Вальтеромъ, В. А. Караваевымъ, С. П. Алферьевымъ, Ю. И. Мацономъ, Ѳ. Ѳ. Мерингомъ, Ѳ. Ѳ. Эргардтомъ, В. А. Незабитовскимъ, А. К. Делленомъ, М. И. Талызинымъ, А. П. Ставровскимъ, Г. А. Чугаевичемъ, И. А. Тютчевымъ, Ю. К. Шимановскимъ, Н. К. Ренненкампфомъ, А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, В. Г. Демченко, Г. Д. Сидоренко, К. Ѳ. Страшкевичемъ, А. И. Линниченко. Прочіе не подписались за отсутствіемъ во время вакацій.

мени въ составѣ преподавателей нѣтъ уже вовсе польскаго элемента (что впрочемъ и раньше, именно съ 1839 года, постоянно имѣлось въ виду и осуществлялось), а въ составѣ слушателей присутствіе этого элемента допущено не свыше $^1/_5$ части всѣхъ студентовъ Университета. Университетъ съ того времени сдѣлался особенно чуткимъ къ національнымъ задачамъ народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ. Такъ комитетъ для пріема окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ въ студенты въ 1863 г. доносилъ совѣту, что „ученики юго-западныхъ гимназій обнаружили слабое знаніе русскаго языка и русской исторіи, что причиною ограниченнаго знанія русскаго языка не одно преподаваніе, но и крайній недостатокъ русскихъ книгъ для чтенія, что въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ гимназіяхъ, какъ видно изъ отвѣтовъ испытывавшихся, были даже выпускаемы изъ русской исторіи отдѣлы, касающіеся исторіи западной и юго-западной Россіи, между тѣмъ какъ дѣльное, твердое и спокойное преподаваніе этихъ частей русской исторіи существенно необходимо въ этомъ краѣ“.

Съ такимъ мѣстнымъ національнымъ переворотомъ совпало изданіе новаго общаго устава россійскихъ университетовъ въ 1863 г.,— устава, который положилъ конецъ особенному положенію нашего Университета, сохранявшемуся при спеціальныхъ уставахъ 1833 и 1842 года.

Новый уставъ вывелъ всѣ русскіе университеты изъ предшествовавшаго состоянія хаоса, т. е. такого состоянія, при которомъ они не имѣли для руководства одного общаго органическаго устава. Для оцѣнки этой реформы всего лучше перенестись въ ту эпоху, проникнуть въ мысли и надежды людей того времени. Университетъ св. Владиміра, привѣтствуя въ своемъ отчетѣ за 1862—63 учебн. годъ новый уставъ, заявилъ, что до того времени „каѳедры оставались незамѣщенными, и профессоры, занимающіе каѳедры, обращались къ постороннимъ занятіямъ для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ и часто болѣе дорожили этими побочными занятіями, нежели своею службою при Университетѣ“, что „недостаточное приготовленіе поступающихъ въ Университетъ къ слушанію лекцій часто заставляло профессоровъ обращаться въ гимназическихъ преподавателей. Равнодушіе ученыхъ сословій къ интересамъ ихъ университетовъ и науки вообще вызвано было отчасти равнодушіемъ самаго общества къ инте-

ресамъ науки, отчасти матеріальными заботами, наконецъ невысокимъ уровнемъ личнаго состава ученыхъ коллегій. Важнымъ недостаткомъ была наконецъ скудость учебныхъ пособій университетовъ, не дозволявшая имъ идти въ уровень съ подобными учрежденіями западной Европы. Вслѣдствіе этихъ недостатковъ, ученая дѣятельность университетовъ была незначительна; многія каѳедры, за отсутствіемъ системы постояннаго приготовленія профессоровъ, оставались вакантными, другія замѣщались лицами, не имѣвшими требуемыхъ уставомъ ученыхъ степеней и самая академическая жизнь студентовъ, будучи невѣрно поставлена въ отношеніи къ Университету, заключала въ себѣ элементы безпорядковъ, обнаружившіеся еще въ недавнее время прискорбными событіями почти во всѣхъ университетахъ. Важное пополненіе въ составѣ ученаго университетскаго сословія составляетъ учрежденіе приватъ-доцентовъ. Оно должно оживлять университетъ постояннымъ притокомъ новыхъ и свѣжихъ силъ, и вводя конкуренцію, поддерживать рвеніе истинныхъ преподавателей". Такъ думалъ и уповалъ нашъ совѣтъ въ 1863 г. Нѣкоторыя изъ этихъ надеждъ оказались потомъ тщетными; нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ продолжали существовать или возобновились и при дѣйствіи новаго устава; но эти недостатки, очевидно, старые, если и до 1863 года отъ нихъ болѣло сердце лучшихъ людей Университета и если введеніе устава привѣтствовалось тогда, какъ залогъ освобожденія отъ нихъ.

Совѣтъ Университета св. Владиміра два раза, внимательно и подробно разсматривалъ проэктъ устава; правда, многое, что̀ проэктировалъ нашъ совѣтъ, не принято въ уставѣ, и наоборотъ удержано то, что нашъ совѣтъ отвергалъ и въ томъ числѣ такія постановленія, которыя, по ихъ неудобопримѣнимости и вреду, пришлось вскорѣ отмѣнить; такъ совѣтъ Университета св. Владиміра противился введенію большинства $^2/_3$ голосовъ при рѣшеніи вопроса объ оставленіи на службѣ на новыя пятилѣтія и находилъ справедливымъ держаться абсолютнаго большинства.

Вобще-же уставъ 1863 года составляетъ почти копію съ общаго устава россійскихъ университетовъ 1835 г. во всѣхъ существенныхъ постановленіяхъ, какъ-то: объ отношеніи Университета къ попечителю, состава и правъ совѣта, способа и сроковъ избранія ректора и декановъ, способа опредѣленія преподавателей на каѳедры. Единственное

замѣтное отличіе устава 1863 г. есть уничтоженіе (впрочемъ условное) внѣшней инспекціи и замѣна ея проректорствомъ, а равно участіе совѣта въ экономическомъ управленіи, которое прежде вѣдалось правленіемъ.

Переходя къ изображенію жизни Университета св. Владиміра въ послѣдне 20-лѣтіе замѣтимъ, что совѣтъ Университета св. Владиміра въ общемъ съ должною трезвостію мысли занимался не только веденіемъ текущаго управленія, но и создалъ нѣсколько новыхъ полезныхъ учрежденій, принятыхъ потомъ министерствомъ и для всѣхъ прочихъ университетовъ; укажемъ на учрежденіе (1864 г.) стипендіатства для приготовленія къ профессорскому званію, которое предупредило общее введеніе этого института на 5 лѣтъ; сошлемся также на установленіе (1866 г.) библіотечнаго комитета, столь необходимаго для равномѣрнаго пополненія этой самой важной изъ университетскихъ коллекцій. Напомнимъ еще объ учрежденіи попечительства о недостаточныхъ студентахъ (1869 г.); на новыя правила пріобрѣтенія должности лектора (1872 г.). Отмѣтимъ также: а) рѣшеніе совѣта (1863 г.) объ открытіи постоянныхъ „безплатныхъ публичныхъ лекцій по предметамъ наиболѣе интереснымъ для публики“, преимущественно съ цѣлію распространенія въ обществѣ здравыхъ понятій о реформахъ *); б) основаніе (1863 г.) особаго отдѣла при библіотекѣ исключительно для студентовъ; в) организацію (1863 г.) практическихъ занятій студентовъ; г) учрежденіе обществъ: естествоиспытатетей, Нестора лѣтописца и юридическаго; д) учрежденіе новыхъ каѳедръ: медицинской физики и др.; е) устройство (1874 г.) вполнѣ удачнаго археологическаго съѣзда и мн. друг. Дѣятельность совѣта по устройству многочисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій будетъ указана ниже.

Степень осторожности въ пользованіи правами всего болѣе должна проявиться въ выборѣ лицъ начальствующихъ въ Университетѣ—

---

*) „Преподаватель, не стѣсняясь въ изложеніи строгимъ систематическимъ порядкомъ, будетъ имѣть возможность избирать важнѣйшіе отдѣлы науки, излагая новѣйшіе результаты ученыхъ изслѣдованій. Сверхъ того, такъ какъ правительство предприняло въ настоящее время непрерывный рядъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ, то публичныя лекціи будутъ содѣйствовать и къ распространенію въ публикѣ здравыхъ понятій объ этихъ реформахъ. Такимъ образомъ Университетъ будетъ поставленъ въ ближайшее отношеніе къ обществу.

ректоровъ и проректоровъ. Университетъ св. Владиміра, даже тогда, когда должность ректора была двухгодичною, самъ превращалъ ее въ долгосрочную; напр. Неволинъ непрерывно управлялъ Университетомъ съ 1837 г. по 1843 годъ. Не меньшую сдержанность въ перемѣнѣ лицъ правящихъ выказалъ Университетъ и въ послѣдній періодъ. Въ продолженіи 16 лѣтъ собственно два лица попеременно управляли университетомъ: Н. Х. Бунге и А. П. Матвѣевъ, и двое были облечены ректорскою властію въ остальное недавнее время: И. И. Рахманиновъ и теперешній ректоръ Н. К. Ренненкампфъ, такъ что, не считая перваго времени, когда управлялъ прежній ректоръ Н. Д. Иванишевъ, и кратковременныхъ управленій К. А. Митюкова и К. М. Θеофилактова, за весь 20-лѣтній періодъ университетомъ управляли три лица, а четвертое стоитъ нынѣ во главѣ его. Точно также должность проректора занимали во весь 20-лѣтній періодъ четверо: К. А. Митюковъ, А. П. Матвѣевъ, И. И. Рахманиновъ и О. М. Паульсонъ (не считая кратковременныхъ управленій Г. М. Цѣхановецкаго и В. А. Незабитовскаго). Достойно замѣчанія, что на должности проректора и ректора послѣдовательно избирались однѣ и тѣ-же лица, такъ что всѣхъ лицъ, занимавшихъ дѣйствительно двѣ высшія должности въ Университетѣ, было пять и трое временно принимали ихъ на себя.

Для жизни Университета всего важнѣе дѣло замѣщенія каѳедръ. По прежнимъ уставамъ Университета св. Владиміра совѣту принадлежало право избирать профессоровъ, адъюнктовъ, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ и (по уставу 1833 г.) учителей для цѣлаго округа; по уставу 1863 года ему предоставлены тѣ-же права (кромѣ опредѣленія и увольненія учителей гимназій и училищъ). По уставамъ 1833 и 1842 гг. министру народнаго просвѣщенія принадлежало право назначать и съ своей стороны профессоровъ въ Университетъ; то-же право предоставлено было ему и уставомъ 1863 г.: онъ могъ назначить штатнаго преподавателя, если каѳедра остается вакантною въ продолженіи года, и сверхштатнаго во всякое время. По временамъ министръ (въ особенности гр. С. С. Уваровъ) пользовался этимъ правомъ съ великою выгодою для дѣла. Но и при обоюдныхъ усиліяхъ министра и Университета каѳедры нерѣдко и по—долгу оставались пустыми.

Уставъ 1863 года далъ многія условія для предотвращенія каѳедръ отъ запустѣнія: онъ для того времени назначилъ достаточное обезпеченіе жалованьемъ (впрочемъ для профессоровъ, но отнюдь не для доцентовъ), и потому сдѣлалъ ученую карьеру болѣе привлекательною; былъ щедрѣе въ дарованіи средствъ на учебно-вспомогательныя учрежденія *). Конечно все это нужно разумѣть о времени, ближайшемъ къ 1863 году; впослѣдствіи нѣкоторыя изъ этихъ условій исчезли и возвратили совѣтъ къ тѣмъ-же затрудненіямъ, въ какихъ онъ былъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, относительно привлеченія лицъ на каѳедры.

Уставъ 1863 года застигъ Университетъ св. Владиміра въ критическое для этого послѣдняго время: въ немъ на лицо оставалось только 35 профессоровъ (25 ординарныхъ и 10 экстра-ординарныхъ) и 5 адъюнктовъ. Между тѣмъ и по прежнему уставу 1842 года было положено 37 профессоровъ, 8 адъюнктовъ и сверхъ того два профессора богословія, всего 47 лицъ. Такимъ образомъ наличное число профессоровъ не удовлетворяло и требованіямъ устава 1842 г. Сверхъ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что изъ числа профессоровъ 12 лицъ не имѣли докторской степени, слѣдовательно и по прежнему уставу не имѣли права на профессуру; особенно на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ огромное большинство преподавателей не имѣло требуемыхъ степеней и состояло изъ исправляющихъ должность (на юридическомъ изъ 9—5, на филологическомъ изъ 6—4). Если исключить это число 12 изъ наличнаго числа профессоровъ, то въ цѣломъ Университетѣ останется только 23 лица, имѣвшихъ право на профессуру. Въ самый годъ изданія устава Университетъ потерялъ Кесслера, Шульгина, Абашева и Эйсмана.

Новый уставъ 1863 г. назначилъ въ Университетѣ св. Владиміра 89 преподатателей: профессоровъ 58 (ординарныхъ 40, экстра-ординарныхъ 18) и доцентовъ 31. Такимъ образомъ наличное число всѣхъ преподавателей въ Университетѣ св. Владиміра составляло менѣе $1/2$ требуемаго новымъ уставомъ; а число лицъ, имѣющихъ право на профессуру, составляло лишь $1/3$ числа ихъ, положеннаго по уставу.

---

*) На учебно-вспомогательныя учрежденія, съ содержаніемъ ихъ личнаго состава, было положено по штату 1842 г.—21030 р. с., а по штату 1863 г.—44645 р. с.

Такъ какъ въ подобномъ-же положеніи были и прочіе русскіе университеты, то Университету св .Владиміра нечего было возлагать упованіе на стороннюю помощь. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что многія каѳедры были учреждены въ уставѣ 1863 года вновь; самыя науки, для которыхъ онѣ открыты, не существовали еще въ русской ученой литературѣ; таковы напр. сравнительное языкознаніе, славянское право, исторія и теорія искусствъ; по такимъ предметамъ трудно было разсчитывать найти лицъ подготовленныхъ среди русскаго общества. По нѣкоторымъ-же изъ нихъ нельзя было отыскивать преподавателей и въ германскихъ университетахъ, какова напр. исторія славянскаго права. Трудно было надѣяться, что и въ будущемъ скоро могутъ быть подготовлены преподаватели, потому что если упомянутыя науки не преподаются въ университетахъ, то гдѣ-же приготовится аспирантъ?— Не забудемъ также, что ошибочное постановленіе устава, требовавшее $^2/_3$ положительныхъ голосовъ при оставленіи на 5-лѣтія по выслугѣ указныхъ лѣтъ, постановленіе, принятое вопреки мнѣнію совѣта Университета св. Владиміра, дѣйствовало разрушительно и на небольшой остававшійся личный составъ, что наконецъ всегдашнія естественныя условія и смерть не останавливали своего дѣйствія, разрѣжая ряды борцовъ науки.

Вотъ условія, среди которыхъ Университетъ св. Владиміра долженъ былъ создать или найти *49 новыхъ ученыхъ* и замѣстить *35 вакантныхъ каѳедръ*. Эта цифра выговаривается легко, но подъ нею скрываются трудности, съ которыми подъ силу справиться лишь нѣсколькимъ поколѣніямъ въ исторіи высшаго просвѣщенія. 49 ученыхъ силъ —это больше, чѣмъ цѣлый университетъ по уставу 1842 года. Въ такое тяжелое время всего потребнѣе была-бы дѣятельная помощь Университету со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Какъ-же справился съ этимъ совѣтъ Университета св. Владиміра?

Въ *первое пятилѣтіе* по введеніи новаго устава нѣкоторые факультеты приведены въ тотъ полный и удовлетворительный составъ, въ которомъ они остаются и донынѣ. Такъ по физико-математическому факультету пріобрѣтены слѣдующіе дѣятели: съ 1864 г. по каѳедрѣ чистой математики началъ преподаваніе *М. Е. Ващенко-Захарченко* и въ 1867 г. достигъ званія профессора. Тогда каѳедра чистой математики, представителемъ которой столь долгое время былъ одинъ Н. А.

Дьяченко, была раздѣлена на двѣ и получила сразу двухъ преподавателей. Въ слѣдующемъ году преподаваніе зоологіи поручено (въ званіи приватъ-доцента) *О. М. Паульсону*, который рекомендованъ былъ министерству акад. Бэромъ и теперь уже давно занимаетъ каѳедру съ полнымъ правомъ. Черезъ 4 года та-же каѳедра была замѣщена профес. *Ковалевскимъ*, ученыя права котораго не нуждаются здѣсь въ нашемъ напоминаніи. Каѳедра физики тогда-же была поручена доценту *М. П. Авенаріусу*, который также нынѣ состоитъ ея полноправнымъ представителемъ. По каѳедрѣ химіи приглашенъ преподаватель, нынѣ профессоръ *П. П. Алексѣевъ*. По каѳедрѣ ботаники сразу явилось два молодыхъ дѣятеля въ качествѣ приватъ-доцентовъ: *Вальцъ и Борщовъ;* нынѣ оба они сошли уже съ университетской сцены, а Борщовъ и съ жизненной дороги; потому безъ нарушенія приличій, Университетъ въ свой праздничный день юбилея можетъ и долженъ помянуть предъ вами это имя, не только серьезнаго и талантливаго ученаго, но и человѣка высокой нравственной пробы, безкорыстно и самоотверженно преданнаго служенію истинѣ и добру не въ одной тѣсной сферѣ своихъ прямыхъ обязанностей. Тогда-же на должность астронома-наблюдателя былъ избранъ *Востоковъ*. На юридическомъ факультетѣ, который понесъ тяжелую утрату съ выходомъ въ 1865 г. Н. Д. Иванишева, сдѣланы были также новыя пріобрѣтенія; такъ преподаваніе по каѳедрѣ уголовнаго права (совершавшееся лишь урывками съ самаго увольненія Богородскаго) было возложено на приватъ-доцента *А. Ѳ. Кистяковскаго*, который потомъ пріобрѣлъ всѣ права на каѳедру какъ формальныя, такъ и ученыя. Прочія каѳедры юридическаго факультета, большею частію замѣщенныя прежде лицами, не имѣвшими степени доктора, пріобрѣли потомъ почти всѣ настоящихъ профессоровъ (по полученіи ими степени доктора) въ теченіи перваго пятилѣтія.

Таковы пріобрѣтенія, сдѣланныя Университетомъ въ два года по введеніи въ дѣйствіе новаго устава. Отчасти въ то-же время, а главнымъ образомъ во вторую половину перваго пятилѣтія, Университетъ началъ замѣщать каѳедры по прочимъ двумъ факультетамъ. Въ то время университетамъ разрѣшено было вновь приглашать иностранныхъ ученыхъ; сверхъ того уставомъ 1863 г. имъ предоставлено право возводить въ степень доктора безъ представленія диссертаціи по обще-

извѣстнымъ ученымъ заслугамъ какого-либо лица. Обоими этими правами нашъ Университетъ воспользовался разомъ, пригласивъ на каѳедру физіологіи *В. Б. Томсу;* такъ какъ имя этого ученаго нынѣ уже не числится въ спискахъ нашего Университета (къ большому прискорбію), то мы можемъ опять безъ нарушенія скромности заявить, что совѣтъ не даромъ употребилъ столь сильныя средства и не ошибся въ своемъ выборѣ. Каѳедра спеціальной патологіи и терапіи замѣщена *В. Т. Покровскимъ;* его нѣтъ уже не только среди насъ, но и среди живыхъ; жители Кіева, надѣемся, единогласно присоединятся къ Университету и помянутъ благодарностію и почетомъ этого человѣка, такъ безвременно сошедшаго въ могилу мученикомъ своей профессіи и самоотверженной вѣрности долгу. Университетъ, среди котораго дѣйствовали и задачамъ котораго жертвовали всѣми своими силами и даже жизнію такіе люди, какъ Борщовъ и Покровскій, можетъ сказать, что самъ жилъ не безплодно. Одна и та-же грустная судьба безвременной кончины сочетала въ нашей памяти съ именемъ Покровскаго имя столь-же достойное воспоминаній—*В. И. Дыбковскаго,* котораго нашъ Университетъ, давшій ему образованіе, намѣтилъ для профессуры въ 1864 г. и избралъ на каѳедру фармакологіи въ 1868 г. Его краткая (трехлѣтняя) дѣятельность въ Университетѣ оставила, однако, замѣтный слѣдъ и въ наукѣ и въ воспоминаніяхъ учащихся поколѣній. Въ то-же время медицинскій факультетъ пріобрѣлъ преподавателей въ лицѣ нынѣшнихъ профессоровъ *В. А. Беца* и *Э. Г. Гейбеля.* Такъ слагался новый составъ медицинскаго факультета, по мѣрѣ выхода прежняго состава, сложившагося въ 40-хъ годахъ.

Не такова была судьба историко-филологическаго факультета; именно въ ней иногда указываютъ признаки страстной враждебности партій совѣта. Дѣйствительно, историко-филологическій факультетъ былъ разрушенъ почти окончательно въ первое пятилѣтіе послѣ введенія новаго устава и быть можетъ поводомъ къ тому послужило выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ дѣло о докторизаціи honoris causa бывшаго профессора всеобщей исторіи В. Я. Шульгина. Но основною причиною этого явленія послужило, какъ увидимъ, не партіозное настроеніе совѣта, а ошибочное постановленіе устава 1863 года о томъ, что для оставленія на 5-лѣтіе профессоровъ, выслуживавшихъ сроки, требуется не менѣе $^2/_3$ голосовъ. Теперь-же мы говоримъ о дѣйствіяхъ

совѣта не по увольненію, а по опредѣленію профессоровъ и должны признать, что совѣтъ не былъ небреженъ въ исполненіи этой обязанности и по отношенію къ историко-филологическому факультету. Каѳедра всеобщей исторіи, совершенно осиротѣвшая съ выходомъ въ отставку проф. Ставровскаго, была тотчасъ-же замѣщена, по избранію совѣта, *В. А. Бильбасовымъ* (по выходѣ котораго пріобрѣла двухъ профессоровъ: Ѳ. Я. Фортинскаго и В. И. Лучицкаго; сверхъ того по той-же каѳедрѣ состоялъ доцентъ). Долго, 8 лѣтъ, оставалась вакантною такая каѳедра, которой всего менѣе дожна-бы угрожать подобная участь, именно каѳедра русской исторіи, но въ томъ не повиненъ совѣтъ Университета св. Владиміра: та-же каѳедра одновременно пустовала почти во всѣхъ прочихъ русскихъ университетахъ (Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ). Не входя въ разсмотрѣніе общихъ причинъ этого страннаго явленія, сошлемся для нашего Университета на особенный національный составъ его слушателей, неблагопріятный для образованія спеціалистовъ по этой наукѣ. Совѣтъ нашъ съ 1862 г. три раза обращался къ Д. И. Иловайскому, два раза къ Н. И. Костомарову и одинъ разъ къ Пекарскому; почти каждый годъ просилъ рекомендаціи С. М. Соловьева и О. М. Бодянскаго; все было тщетно: не только на жалкое содержаніе до штатовъ 1863 г. не льстился никто изъ столичныхъ ученыхъ, но не было охотниковъ и послѣ устава 1863 года. Однако черезъ 4 года по введеніи этого устава Университетъ св. Владиміра нашелъ сразу двухъ преподавателей въ лицѣ своихъ воспитанниковъ: *В. И. Лашнюкова* и *В. С. Иконникова*, изъ которыхъ первый впрочемъ вскорѣ скончался, едва успѣвъ начать свою профессорскую дѣятельность, а второй нынѣ состоитъ представителемъ той каѳедры (для которой вскорѣ явился и другой преподаватель въ лицѣ В. Б. Антоновича). Судьбу, подобную участи каѳедры русской исторіи, претерпѣвали отчасти и каѳедры древней словесности, за что опять нельзя винить совѣтъ Университета.

Въ началѣ *втораго пятилѣтія*, по выходѣ изъ Университета проф. А. К. Деллена и И. Я. Нейкирха, совѣтъ замѣстилъ каѳедру перваго *В. И. Модестовымъ*, а преподаваніе по каѳедрѣ греческой словесности возложилъ на *Скворцова*. Совѣтъ не могъ предвидѣть, что эти замѣщенія окажутся неустойчивыми и недолговременными. Въ то-же время историко-филологическій факультетъ пріобрѣлъ преподавателя по новой каѳедрѣ,

именно по исторіи церкви въ лицѣ *Ф. А. Терновскаго.* На физико-математическомъ факультетѣ въ это — второе пятилѣтіе совершилась замѣна бывшихъ профессоровъ, по мѣрѣ выхода ихъ, новыми; такъ каѳедра астрономіи замѣщена сначала проф. *Бредихинымъ,* а по оставленіи его въ Москвѣ—*М. Ѳ. Хандриковымъ;* по каѳедрѣ технической химіи явился на мѣсто Чугаевича—*Н. А. Бунге,* а по каѳедрѣ химіи, на мѣсто Тютчева—*Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій.* Не менѣе пріобрѣтеній сдѣлано тогда-же факультетомъ медицинскимъ: здѣсь замѣщены каѳедры: общей патологіи—*Н. А. Хржонщевскимъ,* гистологіи проф. *Перемежко,* новоучрежденная по ходатайству совѣта Университета каѳедра—медицинской физики замѣщена проф. *Шкляревскимъ,* а каѳедра офталмологіи проф. *Ивановымъ,* который, подобно Покровскому и Дыбковскому, сошелъ съ жизненной сцены слишкомъ рано для своей начавшейся извѣстности и благотворной ученой дѣятельности (впослѣдствіи эта каѳедра получила новаго преподавателя въ лицѣ проф. Ходина). Открывшаяся смертію Дыбковскаго вакансія замѣщена проф. *Сущинскимъ.* Нѣкоторыя каѳедры были обставлены не только достаточно, но и роскошно; такъ третьимъ преподавателемъ по каѳедрѣ хирургіи приглашенъ былъ проф. *Склифасовскій,* а потомъ проф. *Ринекъ* и *Коломнинъ.* Юридическій факультетъ пріобрѣлъ двухъ новыхъ преподавателей: по исторіи русскаго права—дерптскаго воспитанника *В. В. Сокольскаго* и по политической экономіи—доц. *Зибера.*

Таковы результаты дѣятельности совѣта по первой и важнѣйшей его функціи, достигнутые въ *первое десятилѣтіе.* Университетъ имѣлъ тогда уже 42 профессора (ординарныхъ—35 и экстра-ординарныхъ—7) и доцентовъ 15, всего 57 преподавателей. А такъ какъ каѳедръ положено по уставу 52, то преподавателей разныхъ званій было уже тогда больше, чѣмъ каѳедръ. Оставались незамѣщенными преимущественно новыя каѳедры, которымъ отчасти и суждено было остаться незамѣщенными, именно на историко-филологическомъ факультетѣ двѣ: сравнительнаго языкознанія и теоріи и исторіи искусствъ (послѣдняя въ слѣдующемъ десятилѣтіи получила преподавателя въ лицѣ П. В. Павлова); на юридическомъ факультетѣ также двѣ: славянскаго права и церковнаго законовѣдѣнія. Преподаваніе могло идти и шло безъ вредныхъ пробѣловъ и остановокъ, хотя общее число преподавателей далеко еще не соотвѣтствовало числу, положенному по штату: именно, налицо

было всѣхъ по учебной части 68, а по штату полагалось 98. Но нельзя не признать это послѣднее число до нѣкоторой степени роскошью, разумѣется желательною, но не необходимою для средняго уровня преподаванія *).

Во *второе* и послѣднее *десятилѣтіе* сложившійся составъ Университета обновлялся и пополнялся. Тогда на историко-филологическомъ факультетѣ появилось 15 новыхъ преподавателей, изъ которыхъ многіе достигли уже высшей ученой степени и званія профессора. На физико-математическомъ факультетѣ избрано 7 новыхъ лицъ по учебной дѣятельности, на юридическомъ—6 новыхъ преподавателей, а на медицинскомъ факультетѣ 7. Изъ этого числа нѣкоторыхъ также нѣтъ уже въ составѣ нынѣшней профессорской коллегіи; иныхъ похитила смерть, другихъ увлекла личная судьба. Вспомнимъ съ уваженіемъ изъ числа первыхъ талантливаго преподавателя и серьезнаго ученаго А. А. Котляревскаго, успѣвшаго послужить нашему Университету лишь 5 лѣтъ Не забудемъ также искренняго мыслителя, открытаго исповѣдника своихъ убѣжденій—Н. И. Хлѣбникова и даровитаго знатока древняго міра П. И. Аландскаго. Всѣ они скончались въ пору

*) Всѣ пріобрѣтенія въ личномъ составѣ Университета за первое десятилѣтіе могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ:

Годы.	Число.	Имена.
1864	1	Ващенко-Захарченко.
1865	9	Паульсонъ, А. Ѳ. Кистяковскій, Томса, Неметти, Алексѣевъ, Авенаріусъ, Гейбель, Свенсонъ, Даніэль.
1866	2	Вальцъ и Борщовъ.
1867	2	Бильбасовъ, Покровскій.
1868	5	Бецъ, Дыбковскій, Скворцовъ, Лашнюковъ и Иконниковъ.
1869	10	Модестовъ, Бредихинъ, Хандриковъ, Ковалевскій, Хржонщевскій, Перемежко, Шкляревскій, Терновскій, Ивановъ, Сокольскій.
1870	6	Н. А. Бунге, Гарничъ-Гарницкій, Склифасовскій, В. Б. Антоновичъ, Е. И. Афанасьевъ, Н. С. Афанасьевъ.
1871	2	Сущинскій, Субботинъ.
1872	2	Фортинскій, Коломнинъ.
1873	4	Драгомановъ, Баранецкій, Зиберъ, Ринекъ.

мужественной зрѣлости, когда общество и Университетъ могли ожидать отъ нихъ еще многихъ заслугъ *).

Каѳедры, дѣлавшіяся вакантными, замѣщаемы были или тотчасъ-же (напр славянской филологіи, физики, чистой математики,—послѣдняя двумя профессорами), или чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (каѳедра технологіи чрезъ 1 мѣсяцъ, ботаники—$1^1/_2$ мѣсяца, анатоміи—5 мѣсяцевъ, каѳедра философіи и каѳедра астрономіи черезъ 7 мѣсяцевъ); по двумъ каѳедрамъ прошелъ промежутокъ болѣе года, но менѣе двухъ (русской словесности и теоретической хирургіи), а по двумъ пропущено два года (терапіи и русской словесности). Если нѣкоторыя каѳедры оставались (и отчасти остаются) вакантными, то Университетъ тогда только могъ-бы подлежать справедливому упреку, когда бы внѣ университетовъ оставались лица, достойныя каѳедръ по своимъ ученымъ заслугамъ и степенямъ. Такихъ лицъ, однако, не оказывается. Другія высшія учебныя заведенія (лицеи и филологическіе институты) снабжены привилегіею назначать преподавателей, не имѣющихъ со-

*) Выразимъ всѣ пріобрѣтенія 1874—1883 гг. въ слѣдующей хронологической таблицѣ:

Годы.	Число.	Имена.
1874	11	Лучицкій, Аландскій, Мищенко, Лукашевичъ, Котляревскій, Хрущовъ, Яценко, Рустицкій, Толочиновъ, Ермаковъ, Липскій.
1875	3	Павловъ, Владимірскій-Будановъ, Шиллеръ.
1876	4	Фабриціусъ, Минхъ, Бобрецкій, Цвѣтаевъ.
1877	4	Пихно, Хлѣбниковъ, Дашкевичъ, Пекюсъ.
1878	2	Шмальгаузенъ, Ждановъ.
1879	2	Тритшель, Госкинсъ.
1880	2	Сухановъ, Козловъ.
1881	3	Ходинъ, Кулаковскій, Ка[illegible]анцевъ.
1882	7	Шварцъ, Флоринскій, Эйхельманъ, Соболевскій, Барзиловскій, А. Я. Антоновичъ, Андерсонъ.
1883	4	Армашевскій, Рейнъ, Барнгауптъ, Стуковенковъ.

Всего-же въ теченіи 20 лѣтъ пріобрѣтено Университетомъ св. Владиміра (съ наличными приватъ-доцентами) 90 новыхъ преподавателей, изъ которыхъ 24-хъ Университетъ лишился обратно, или въ слѣдствіе смерти (12), или въ слѣдствіе перехода въ другія мѣста и роды службы и выхода въ отставку.

отвѣтственныхъ высшихъ ученыхъ степеней, въ исправляющіе должность профессоровъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ; Университету не предоставлено этого права.

Когда пополненіе самоуправляющейся коллегіи предоставляется ей самой, то весьма часто наступаетъ опасность двоякаго рода уклоненій отъ правильнаго порядка; именно, во-первыхъ, подборъ новыхъ лицъ можетъ совершаться по личнымъ связямъ, изъ своего домашняго мірка, при чемъ легко можетъ наступить омертвѣніе самоуправляющагося органа, безъ прилива стороннихъ новыхъ силъ. Грѣшилъ-ли этимъ совѣтъ Университета св. Владиміра? Большинство упомянутыхъ выше лицъ взято изъ другихъ университетовъ, преимущественно изъ столицъ,—по рекомендаціямъ корифеевъ-спеціалистовъ той или другой науки, или вслѣдствіе учено-литературной извѣстности кандидата. Затѣмъ совѣтъ съ большою осторожностію, и за то съ полнымъ успѣхомъ, воспользовался возстановленнымъ правомъ приглашать иностранныхъ ученыхъ; довольно значительное число упомянутыхъ выше именъ принадлежало молодымъ ученымъ, сдѣлавшимъ себѣ однако репутацію въ русскихъ столицахъ или въ Европѣ. Изъ числа всѣхъ лицъ, пріобрѣтенныхъ Университетомъ въ теченіи 20 лѣтъ, 58% относятся къ лицамъ стороннимъ.

Однако не большая была-бы похвала Университету, еслибы онъ питался лишь исключительно чужими соками, и самъ не обнаружилъ-бы никакой собственной продуктивности ученыхъ силъ. Изъ числа упомянутыхъ выше почти половина (не менѣе 42%) принадлежитъ къ собственнымъ воспитанникамъ Университета. Но при этомъ отнюдь нельзя утверждать, что Университетъ былъ щедръ въ раздачѣ высшихъ ученыхъ степеней безъ надлежащихъ условій, какъ-бы ни подталкивала его къ тому настоятельная необходимость замѣщенія каѳедръ; въ теченіи 21 года (1863 — 1883 г.) всѣхъ лицъ, удостоенныхъ ученыхъ степеней доктора и магистра было 113, а именно: степени магистра 39 и степени доктора 74. Но если исключить изъ этого числа докторскія степени медицинскаго факультета (46), то общее число пріобрѣтшихъ обѣ высшія степени равняется 67, а получившихъ степень доктора—28. Еще болѣе былъ остороженъ нашъ Университетъ въ раздачѣ почетнаго докторства, особенно послѣ исторіи съ В. Я. Шульгинымъ. Всѣхъ возведенныхъ въ доктора honoris causa было 6 (Н. И.

Костомаровъ, В. Б. Томса, акад. Н. И. Кокшаровъ, М. А. Максимовичъ, И. Е. Забѣлинъ и акад. А. А. Куникъ); но изъ нихъ только одинъ В. Б. Томса получилъ докторизацію въ виду замѣщенія каѳедры въ Университетѣ св. Владиміра.

При дѣйствіи устава 1863 г. явилось новое учрежденіе — институтъ стипендіатства для приготовленія къ профессорскому званію. Сначала Университетъ св. Владиміра (еще въ 1864 г.) распорядился самъ и назначилъ для этой цѣли по 400 р. содержанія такимъ стипендіатамъ. Потомъ въ 1869 г. это учрежденіе получило общее законодательное утвержденіе и содержаніе стипендіатовъ возвышено до 600 р.; однако и такое содержаніе, какъ всякій видитъ, далеко не можетъ конкурировать съ заработками, на которыя разсчитываетъ молодой человѣкъ университетскаго образованія на другихъ поприщахъ. Не смотря на то, институтъ стипендіатства оказался весьма плодотворнымъ и жизненнымъ. Конечно, при установленіи его, никому и въ голову не могло придти, что всякій, оставляемый стипендіатомъ, непремѣнно будетъ и профессоромъ; разсадники за тѣмъ и существуютъ, чтобы изъ нихъ потомъ избирать наиболѣе годные экземпляры для постоянныхъ насажденій. Ошибки при первоначальномъ выборѣ карьеры, естественны и всеобщи; можетъ-ли быть застрахована отъ нихъ самая тяжкая изъ нихъ—карьера ученаго преподавателя? Всѣхъ оставленныхъ при Университетѣ стипендіатовъ съ 1864 г. было 77 (кромѣ состоящихъ нынѣ стипендіатами), а именно: по историко-филологическому факультету 21, физико-математическому—19, юридическому—20, медицинскому—17. Изъ нихъ занимаютъ или занимали преподавательскія мѣста въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 26, т. е. $^1/_3$ всего числа); а изъ этихъ послѣднихъ 15 служили или служатъ профессорами и доцентами въ Университетѣ св. Владиміра. Надо помнить также, что не всѣ не попавшіе на ученую карьеру, не заслуживали ея; нѣкоторыхъ обстоятельства остановили на полдорогѣ; иной выдержалъ испытаніе на степень магистра, а диссертаціи не защищалъ, но потомъ съ честію служитъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ другихъ родахъ государственной дѣятельности. Нѣкоторыхъ смерть похитила въ самомъ началѣ ученаго поприща.

Гораздо менѣе для означенной цѣли послужилъ институтъ приватъ-доцентуры, вообще плохо прививающійся къ русской почвѣ. Соб-

ственно свободной приватъ-доцентуры почти совсѣмъ не существовало въ Университетѣ св. Владиміра (какъ и въ другихъ русскихъ университетахъ), за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, не имѣвшихъ никакого значенія. Практиковалась-же, и съ большою пользою, лишь приватъ-доцентура съ обязательными лекціями, т. е. профессорство лицъ, не имѣющихъ степени ни доктора, ни магистра; это—не приготовленіе къ профессорству, а первая степень самаго профессорства, столь необходимая въ виду формальныхъ трудностей достигнуть званія доцента. Путемъ такой приватъ-доцентуры прошли почти всѣ занявшіе каѳедры послѣ 1863 года.

Другая опасность, часто угрожающая самоуправляющейся коллегіи, есть опасность самоистребленія; на долгомъ жизненномъ пути естественно накопляется много личныхъ недоразумѣній и антипатій, которыя наконецъ могутъ повести ко взаимнымъ усиліямъ вытѣснить другъ друга съ общей дороги, внѣ соображеній о научныхъ достоинствахъ и заслугахъ.

Впалъ-ли въ такую ошибку совѣтъ Университетъ св. Владиміра? Къ рѣшенію этого вопроса служатъ преимущественно свѣдѣнія объ оставленіи на службѣ по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ. Во время дѣйствія устава 1842 г. лишь одинъ изъ профессоровъ былъ удаленъ изъ Университета по выслугѣ лѣтъ въ слѣдствіе балотировки. Мы уже не разъ упоминали, что уставъ 1863 года въ своей первой редакціи далъ весьма ошибочное постановленіе на этотъ счетъ, установивъ, что для оставленія на 5-лѣтіе требуется не абсолютное большинство, а $^2/_3$ положительныхъ голосовъ. Мы упоминали, что когда еще разсматривался проэктъ этого устава, то совѣтъ Университета св. Владиміра рѣшительно высказался противъ такого требованія и стоялъ за простое большинство; но мнѣніе нашего совѣта не было принято во вниманіе и вредныя послѣдствія обнаружились тотчасъ-же; на 2-мъ году дѣйствія устава такимъ образомъ приведены въ запустѣніе каѳедры терапіи, физики и всеобщей исторіи. Въ слѣдующемъ году каѳедры римской и греческой словесности; въ слѣдующемъ каѳедры анатоміи и философіи, впослѣдствіи—ботаники.

Министръ народнаго просвѣщенія воспользовался въ этомъ случаѣ правомъ, предоставленнымъ ему въ уставѣ, и фактически исправилъ вредныя послѣдствія ошибочнаго закона, назначивъ многихъ изъ

забалотированныхъ сверхштатными профессорами. Черезъ 5 лѣтъ, именно 31 марта 1869 г., наконецъ и самый законъ былъ исправленъ Высочайшею властію и тогда только наступили нормальныя условія, при которыхъ можно безошибочно опредѣлить отношеніе совѣта къ этой столь важной сторонѣ университетской жизни.

Оказывается, что въ первую эпоху дѣйствія устава 1863 г., при требованіи $^2/_3$ голосовъ, три раза совѣтъ тѣмъ не менѣе оставлялъ выслуживших сроки профессоровъ на новыя пятилѣтія и 8 разъ балотировка дала отрицательные результаты *).

Въ слѣдующіе затѣмъ 14 лѣтъ нормальнаго порядка вещей (1869—1882 г.) происходило 31 разъ избраніе на новыя пятилѣтія и лишь 2 раза балотировка привела къ неудачному результату для балотируемыхъ. Нужно замѣтить, что въ одномъ изъ этихъ случаевъ Уни-

*) Выходъ профессоровъ совершался въ слѣдущемъ порядкѣ:

ГОДЫ.	Число.	ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Причины выхода.		
			Смерть.	Отставка.	Переходъ.
1865	3	Н. Д. Иванишевъ, Алферьевъ, Краузе.	—	2	1
1866	2	Талызинъ, Ставровскій,	—	2	—
1867	1	Делленъ.	—	1	—
1868	5	Вальтеръ, Борель, Бертони, Бильбасовъ, Нейкирхъ.	—	5	—
1869	3	Бредихинъ, Лашнюковъ, Роговичъ.	1	1	1
1870	1	Тютчевъ.	—	—	1
1871	1	Фонъ-Гюббенетъ.	—	1	—
1872	1	Бильбасовъ.	—	1	—
1873	2	Цѣхановецкій, Свенсонъ.	1	—	1
1874	3	Мацонъ, Чугаевичъ, Дыбковскій.	1	1	—
1875	3	Яроцкій, Драгомановъ, Зиберъ.	—	3	—
1877	3	Ходецкій, Модестовъ, Цвѣтаевъ.	—	1	2
1878	4	Хрущовъ, Борщовъ, Н. С. Афанасьевъ, Даніэль.	3	1	—
1880	1	Н. Х. Бунге, Хлѣбниковъ.	1	—	1
1881	1	Котляревскій.	1	—	—
1882	3	Матвѣевъ, Лукашевичъ, Ждановъ.	2	—	1
1883	1	Незабитовскій	1	—	—

верситетъ уже имѣлъ готоваго и весьма достойнаго замѣстителя по каѳедрѣ балотируемаго; въ другомъ—самую каѳедру не признавалъ существенно-необходимою.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что изъ всѣхъ 50 случаевъ такихъ балотировокъ, избирались на 4-е пятилѣтіе двое, на 3-е пятилѣтіе—6, на второе пятилѣтіе—11. Такимъ образомъ только половина общаго числа балотировалась на 1-е пятилѣтіе.

Въ послѣднюю эпоху жизни Университета 1877—1882 г. не было ни одного случая неоставленія на службѣ по балотировкѣ.

Очевидно, отнюдь нельзя сказать, что совѣтъ Университета обнаружилъ особую наклонность къ самоистребленію.

Число лицъ, занятыхъ преподаваніемъ въ послѣдніе 5 лѣтъ колебалось и возрастало такъ:

1878—(профессоровъ,	доцентовъ и	приватъ-доцентовъ)—		72
1879	„	„	„	69
1881	„	„	„	70
1882	„	„	„	73

Къ 1 января 1884 г. всѣхъ лицъ, занятыхъ учебною дѣятельностію въ Университетѣ св. Владиміра, было 81; изъ нихъ профессоръ богословія—1, ординарныхъ профессоровъ 36 (по штату полагается 39), экстра-ординарныхъ профессоровъ 11 (по штату 18), доцентовъ 19 (по штату 31), приватъ-доцентовъ 8, прозекторовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ—3.

Изъ этого числа 14 лицъ опредѣлены на каѳедры до изданія устава 1863 г., остальные 67 пріобрѣтены во время дѣйствія этого устава. Изъ общаго числа двое назначены министромъ народнаго просвѣщенія, впрочемъ изъ прежнихъ профессоровъ Университета, выслужившихъ сроки. 35 лицъ принадлежатъ Университету св. Владиміра по образованію въ немъ. 19 лицъ служатъ свыше 25-лѣтняго срока.

Говоря о пріобрѣтеніи новыхъ лицъ въ сословіе преподавателей, мы по частямъ указывали на достоинства нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашей средѣ. Не подлежитъ спору, что избранія совѣта могли быть не всегда одинаково удачными; безошибочности и совершенства нельзя искать въ дѣлахъ человѣческихъ;

но неудача открывалась лишь впослѣдствіи; при самомъ-же избраніи совѣтъ имѣлъ всегда достаточныя основанія для выбора. Вообще-же, качественный составъ преподавателей можетъ быть оцѣненъ лишь по тѣмъ сторонамъ дѣятельности, которыя выражаются во внѣшнихъ реальныхъ фактахъ, именно въ ученой и преподавательной дѣятельности ихъ.

Обращаясь къ первой, т. е. ученой дѣятельности профессоровъ (не вмѣненной имъ въ обязанность послѣдними уставами), мы должны прежде всего отмѣтить тотъ исторически-интересный фактъ, что періоды наибольшей ученой производительности совпадаютъ со временемъ дѣйствія уставовъ 1833 и 1863 годовъ. Первый изъ этихъ двухъ періодовъ ознаменованъ произведеніями Неволина, Максимовича, Даниловича и первоначальными (весьма цѣнными) трудами Иванишева. Тогда нашему Университету выпала честь перваго обоснованія научнаго правовѣдѣнія въ Россіи и созданія новой у насъ науки энциклопедіи права (въ классическомъ твореніи Неволина); тогда въ произведеніяхъ трехъ остальныхъ названныхъ ученыхъ открывалась для русской исторической науки совершенно новая сфера,—цѣлая дотолѣ невѣдомая и чуждая половина русской исторіи, исторія западной Руси (честь открытія которой, впрочемъ, безъ достаточныхъ основаній приписана Устрялову); до того времени никому не только полякамъ, но и большинству русскихъ ученыхъ не приходило еще на мысль, что Россія имѣетъ какія-либо иныя права на западныя губерніи, кромѣ правъ силы и завоеванія. Даниловичъ открывалъ и описывалъ такіе памятники западно-русскаго законодательства, какъ Судебникъ Казиміра и Литовскій Статутъ. Этимъ Университетъ св. Владиміра исполнялъ свое спеціальное призваніе, разрабатывалъ тотъ удѣлъ науки, который достался ему въ отличіе отъ прочихъ собратовъ его—другихъ русскихъ университетовъ. Тогда въ трудахъ Иванишева зарождалась и отчасти реализировалась идея другой новой науки—науки славянскаго права, до сихъ поръ впрочемъ не далеко ушедшей отъ того пункта, на которомъ остановленъ былъ Иванишевъ.

Но съ начала 40-хъ годовъ и до половины 50-хъ этотъ ранній высокій подъемъ русской науки въ Кіевѣ понизился почти до нуля; большей части названныхъ ученыхъ дѣятелей уже не было въ Кіевѣ, другіе впали въ апатію и научный индифферентизмъ; ученая дѣятель-

ность Университета понизилась не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи по всѣмъ отраслямъ знанія. Причины этого заключались въ оффиціальномъ и экономическомъ положеніи профессоровъ: трудно было думать объ обработкѣ и изданіи ученыхъ трудовъ, когда приходилось, при ежегодномъ возвышеніи цѣнъ, заботиться о насущномъ кускѣ хлѣба, искать уроковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ловить практику, содержать пансіонеровъ; да и издавать было не на что, Университетъ не имѣлъ своего органа. Главною-же причиною остается строгость въ надзорѣ за произведеніями печати и устнаго публичнаго слова, что такъ рельефно обрисовывается въ печальной судьбѣ знаменитой рѣчи Иванишева.

Въ началѣ 50-хъ годовъ лица начальствовавшія надъ Университетомъ покровительствовали (какъ упомянуто выше) экономическимъ и отчасти естественно-историческимъ знаніямъ; тогда въ „Описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа" начали печататься работы Траутфеттера, Кесслера, Ѳеофилактова и Роговича; но важнѣйшіе труды и этихъ ученыхъ относятся къ слѣдующему періоду. Кромѣ упомянутаго, вся ученая производительность Университета ограничивалась немногими заказными работами—диссертаціями и рѣчами.

Уже съ начала прошлаго царствованія ученая дѣятельность оживилась, возвысилась и стала разнообразнѣе; но особенно энергичною и плодотворною она сдѣлалась лишь со времени введенія устава 1863 года, который избавилъ наконецъ профессоровъ отъ мертвящихъ заботъ о ежедневномъ пропитаніи. Съ 1861 года основаны Университетскія Извѣстія, которыя выходятъ съ тѣхъ поръ (кромѣ 1-го года) непрерывно въ 12 книгахъ каждый годъ и въ будущемъ году могли-бы праздновать свое 25-лѣтній юбилей; они сдѣлались главнымъ складомъ почти всей ученой производительности учащихъ и учащихся. Штатъ 1863 г. совершенно упустилъ столь важную функцію университетовъ, какова ученая дѣятельность, и не назначилъ для этого никакихъ средствъ, опредѣливъ лишь 500 р. на печатаніе протоколовъ, что́, конечно, къ ученой дѣятельности не относится. Поэтому Университетъ своими собственными средствами пополнялъ столь замѣтное упущеніе и назначаетъ до $4^1/_2$ тыс. рублей и болѣе въ годъ на изданіе Университетскихъ Извѣстій; всего-же на это изданіе, со времени основанія его до 1884 г., Университетъ употребилъ изъ своихъ средствъ

100,000 р. При этомъ авторскій трудъ не оплачивается, за исключеніемъ библіографическаго отдѣла, на который, съ открытія его въ 1874 году, расходуется всего по 1000 р. въ годъ. Редакторами Извѣстій состояли сначала ректоръ университета, а потомъ В. А. Незабитовскій (1863 г.), С. М. Ходецкій (до 1873 г.) и В. С. Иконниковъ (донынѣ).

Собственно творческая дѣятельность въ наукѣ выражается, какъ извѣстно, въ монографіяхъ, которыми обыкновенно авторъ думаетъ освѣтить тотъ или другой темный уголокъ науки, сказать свое новое слово. Невозможно было-бы обозначить здѣсь въ краткихъ словахъ научные результаты, достигнутые многолѣтними трудами всей массы преподавателей Университета. Мы можемъ остановить свое вниманіе только на количественныхъ размѣрахъ этой дѣятельности; поучительно простое сопоставленіе цифръ числа книгъ и статей, изданныхъ профессорами въ два почти одинаковые періода жизни Университета; именно въ первый періодъ, прошедшій въ царствованіе Императора Николая Павловича и обнимающій 22 года, было издано ими до 100 книгъ и статей; напротивъ въ теченіи 20 первыхъ лѣтъ втораго періода (1855—1875 г.), т. е. время сравнительно меньшее, появилось болѣе 550 книгъ и статей (въ первомъ случаѣ приходится около 5 произведеній въ годъ, во второмъ около 28). Изъ послѣдняго общаго числа на время отъ 1855—1862 г. приходится нѣсколько болѣе 100 произведеній, а остальная огромная часть, т. е. около 450 изданій и статей относится къ 1863—1875 г. (что составляетъ только 13 лѣтъ). Размѣры издательской дѣятельности Университета въ послѣднее десятилѣтіе еще болѣе расширились.

Университетъ не считаетъ себя въ правѣ выставлять на видъ имена лицъ нынѣ живущихъ и дѣйствующихъ въ Университетѣ и сдѣлавшихъ наиболѣе цѣнные вклады въ науку; но ничто не мѣшаетъ намъ (напротивъ, мы обязаны) напомнить здѣсь ученыя заслуги людей уже сошедшихъ съ каѳедры. Съ именами дѣятелей первоначальныхъ счастливыхъ временъ устава 1833 года,—съ именами Неволина, Максимовича, Бессера, Миддендорфа и Даниловича могутъ безъ вреда для себя быть сопоставлены имена недавнихъ борцовъ науки: Иванишева, Кесслера, Н. Х. Бунге, Котляревскаго, Иванова, Борцова и др. Достойно замѣчанія, что даже тѣ изъ нихъ, ученая дѣятельность которыхъ началась еще съ 40-хъ годовъ, бóльшія и лучшія свои произ-

веденія дали въ послѣдній періодъ; къ этому времени относятся наиболѣе цѣнныя работы Иванишева и Кесслера. Для нѣкоторыхъ молодая горячая пора работъ началась въ 50-хъ годахъ, но производительность ихъ развилась въ болѣе позднюю эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Отказавшись отъ перечисленія монографическихъ работъ, мы не можемъ не указать на другой родъ ученой дѣятельности профессоровъ; въ обществѣ нерѣдко заявляется требованіе, чтобы профессора время отъ времени появлялись предъ публикою съ цѣльными курсами своихъ наукъ, которые должны быть т. ск. отчетами передъ обществомъ, и вмѣстѣ руководствами для слушателей (для которыхъ, впрочемъ, лучшимъ руководствомъ могутъ и должны быть устныя чтенія). Составленіемъ полныхъ курсовъ и руководствъ въ первомъ періодѣ выдѣлились только двое: Неволинъ и Новицкій; но во второй періодъ и именно послѣ введенія устава 1863 г., почти по всѣмъ каѳедрамъ, а по нѣкоторымъ неоднократно, даны были полные курсы наукъ. Такъ по каѳедрѣ богословія прот. Ѳаворовъ издалъ: „Нравственное богословіе" и „Чтенія о догматическихъ истинахъ христіанской вѣры". Исторія новой философіи пріобрѣтаетъ руководство въ соч. проф. Гогоцкаго: „Философія XVII и XVIII вв. въ сравненіи съ философіею XIX в.", а педагогика въ лекціяхъ его-же по этому предмету. По каѳедрѣ римской словесности явился обширный курсъ римской литературы В. И. Модестова. По каѳедрѣ русской исторіи вышла 1-я часть труда В. Б. Антоновича: „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго". На юридическомъ факультетѣ по тремъ наукамъ далъ руководства Н. Х. Бунге, именно: „Лекціи по статистикѣ", „Основанія политической экономіи" и „Полицейское право". По каѳедрѣ энциклопедіи права двукратно изданы „Очерки юридической энциклопедіи" Н. К. Ренненкампфа; а по уголовному праву также два раза изданъ обширный „Учебникъ общаго уголовнаго права", А. Ѳ. Кистяковскаго; профес. А. В. Романовичъ-Славатинскій далъ „Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому". Каѳедра римскаго права получила первое въ Россіи руководство въ курсѣ К. А. Митюкова. По каѳедрѣ исторіи русскаго права проф. Владимірскій-Будановъ считалъ возможнымъ дать руководство въ формѣ „Христоматіи по исторіи русскаго права", въ которой совмѣщались-

бы и памятники и важнѣйшая литература. По физико-математическому факультету также по большей части каѳедръ являлись пособія и цѣльные курсы; таковы: „Основанія теоретической динамики“, И. И. Рахманинова; „Основы физики“, Н. Н. Шиллера; „Химическая технологія“, Н. А. Бунге и „Лекціи органической химіи“, П. П. Алексѣева въ трехъ изданіяхъ; математическіе курсы общаго характера принадлежатъ проф. М. Е. Ващенко - Захарченко, В. П. Ермакову и готовится руководство П. Э. Ромера. По каѳедрѣ астрономіи первоначально далъ руководство проф. Шидловскій, а затѣмъ появилась „Система астрономіи“ М. Ѳ. Хандрикова. На медицинскомъ факультетѣ физіологическая химія пріобрѣла учебникъ А. А. Шеффера, медицинская физика—курсъ проф. Шкляревскаго, офталмологія „Руководство по глазнымъ болѣзнямъ“, проф. Ходина; гигіена—„Курсъ гигіены“, проф. Субботина: фармакологія—курсъ Дыбковскаго, имѣвшій четыре изданія; по каѳедрѣ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней появился обширный „Курсъ акушерства“, А. П. Матвѣева; по физіологіи началъ трудъ В. Б. Томсы. Если такіе болѣе или менѣе обширные труды не были помѣщаемы въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, то Университетъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ выдавалъ суммы на отдѣльныя изданія ихъ. Въ прошломъ учебномъ году употреблено было для этой цѣли 4180 руб. (а именно на напечатаніе „Очерковъ теоретической астрономіи“ проф. Хандрикова—900 руб., „Полнаго курса аналитической геометріи“ проф. Ващенко-Захарченко—1000 р., „Руководства къ зоологіи“ проф. Бобрецкаго—880 р., на офталмологическій журналъ проф. Ходина — 600 р. и на изданіе сочиненій покойнаго профес. В. А. Незабитовскаго—800 р.).

Когда возможно было дать учащимся готовое руководство изъ иностранной литературы, то профессора редактировали переводы, дѣлаемые студентами; такъ проф. Сущинскій и Субботинъ редактировали „Основы физіологіи человѣка“ Ранке, Е. И. Афанасьевъ—„Частную патологію и терапію“ Нимейера, А. А. Шварцъ—„Курсъ акушерства“ Шпигельберга и т. д.

Нѣкоторые изъ литографированныхъ курсовъ, по достоинству, могутъ быть признаны удовлетворительными руководствами.

Такимъ образомъ университетская наука не ограждаетъ себя тайною отъ контроля общества, которое легко можетъ ознакомиться съ нею, если того пожелаетъ.

Переходя къ главнѣйшей дѣятельности профессоровъ, т. е. преподаванію въ Университетѣ св. Владиміра, полезно ознакомиться съ количествомъ часовъ лекцій, приходящихся на долю каждаго преподавателя. Уставъ 1833 года предоставилъ это усмотрѣнію совѣта (§ 30); но по министерскому распоряженію тогда вмѣнялось въ обязанность ординарному профессору читать въ недѣлю не менѣе 6 часовъ; въ уставѣ 1842 г. было дано условное предписаніе, а именно: совѣтъ *можетъ* назначить ординарному профессору по 8 часовъ въ недѣлю, если найдетъ то нужнымъ: очевидно, совѣтъ могъ и не назначать такого числа, если не находилъ въ томъ пользы. На дѣлѣ весьма рѣдко и весьма немногіе изъ профессоровъ брали тогда себѣ по 8 часовъ въ недѣлю; бо́льшая часть находили возможнымъ преподавать свою науку при 6 или 5 часахъ въ недѣлю. За то нѣкоторые, по свойству своей науки, занимали добровольно по 9, по 10 и болѣе часовъ. Во всякомъ случаѣ преподаваніе шло ревностно и правильно; полные курсы наукъ прочитывались неупустительно. Въ концѣ-же 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, когда начали особенно строго наблюдать вообще за наружнымъ исполненіемъ обязанностей и между прочимъ за обязательнымъ минимумомъ часовъ преподаванія, ревность профессоровъ ослабѣла: лекціи пропускались чаще и чаще; на нѣкоторыхъ факультетахъ преподаваніе пришло въ большое разстройство. Предъ введеніемъ устава 1863 г. на обсужденіе совѣта Университета св. Владиміра была передана записка проф. Кавелина о вредѣ назначенія 8 часовъ еженедѣльнаго преподаванія въ университетахъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ университетскихъ наукъ требуютъ большаго количества часовъ для изложенія, другія отнюдь не вызываютъ въ томъ никакой нужды. Къ первымъ относятся всѣ науки практическаго характера, ко вторымъ—науки чисто-теоретическія. Записка проф. Кавелина указываетъ, что по этимъ и другимъ причинамъ постановленіе о 8 часовой нормѣ лекцій большею частію не исполнялось: „неисполненіе же закона (говорится въ запискѣ), хотя и происходящее въ слѣдствіе крайней необходимости, есть уже само по себѣ обстоятельство весьма печальное, особливо для юристовъ“. Совѣтъ Университета св. Владиміра согласился съ доводами проф. Кавелина въ особенности потому, что въ его собственномъ уставѣ 1842 г. (какъ сказано) 8 часовая норма назначена была лишь условно. Когда уставъ 1863 года

отмѣнилъ всякую норму числа лекцій, то количество часовъ преподаванія, по разнымъ каѳедрамъ сдѣлалось весьма разнообразнымъ, сообразно съ указанными свойствами наукъ каждой каѳедры. По каѳедрамъ наукъ практическихъ и основанныхъ на опытахъ и наблюденіяхъ, число часовъ еженедѣльныхъ занятій начало превышать въ нашемъ Университетѣ прежнюю 8 часовую норму; по каѳедрамъ наукъ теоретическихъ, требующихъ преимущественно собственной работы мысли студентовъ, обычное число чтеній понизилось. Такъ на медицинскомъ факультетѣ профессора-клиницисты сами назначали и назначаютъ себѣ 9—11 часовъ въ недѣлю; профессора прочихъ медицинскихъ наукъ отъ 6 до 11 часовъ. На историко-филологическомъ факультетѣ преподаватели древнихъ языковъ сами берутъ себѣ по 6—7 часовъ, хотя-бы и состояли въ званіи доцентовъ, тогда какъ профессора философіи довольствуются 5, 4 или 3-мя часами. Вообще въ цѣломъ Университетѣ прочитывается преподавателями всѣхъ званій по 5 лекцій каждымъ въ среднемъ выводѣ; на долю профессоровъ медицинскаго факультета приходится по 7 часовъ еженедѣльныхъ занятій со студетами, на юридическомъ и историко-филологическомъ—по $4^1/_2$, на физико-математическомъ—по 5 час.

Кромѣ обязательныхъ лекцій, тѣ или другіе профессора Университета св. Владиміра весьма часто читали публичныя лекціи для разныхъ общественныхъ и благотворительныхъ цѣлей, преимущественно въ пользу недостаточныхъ студентовъ и для образованія новыхъ стипендій. Это—явленіе новое, почти не примѣнявшееся въ первую эпоху жизни Университета.

Университету св. Владиміра досталась высокая честь дать изъ своей среды преподавателя покойному Государю Цесаревичу Николаю Александровичу.

Но важнѣйшая сторона результатовъ дѣятельности Университета относится къ его слушателямъ; она отражается въ успѣхахъ высшаго образованія среди этихъ послѣднихъ.

Въ первый періодъ своей исторіи Университетъ самъ производилъ наборъ своихъ слушателей и несъ полную отвѣтственность за ихъ пригодность въ дѣлѣ высшаго образованія. Нынѣ онъ получаетъ обязательный для себя составъ ихъ и отстраненъ отъ всякой отвѣтственности въ этомъ отношеніи.

Въ продолженіи 50 лѣтъ всѣхъ студентовъ перебывало въ нашемъ Университетѣ до 7 тысячъ, не считая такъ называемыхъ вольныхъ или постороннихъ слушателей, фармацевтовъ и учениць акушерскихъ курсовъ. Университетъ началъ свою жизнь при весьма скромномъ числѣ студентовъ, именно при 62; затѣмъ число это, постепенно возрастая, нынѣ дошло до 1700. Законъ *ежегоднаго возрастанія* числа лицъ, получающихъ высшее образованіе, есть законъ всеобщій, свойственный какъ всѣмъ русскимъ, такъ западно-европейскимъ университетамъ. Но въ нашемъ Университетѣ эта правильность возрастанія три раза нарушалась вслѣдствіе причинъ, стороннихъ для Университета; именно два раза вслѣдствіе политическихъ волненій (1838 и 1863 годовъ) и одинъ разъ вслѣдствіе измѣненія системы гимназическаго образованія въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ 1838 г. было 267 студентовъ, а въ 1839 только 125; это скромное число чрезъ ежегодное возрастаніе дошло къ 1860 г. до 1049, а въ 1863 г. опять сразу упало до 476; въ 1871 г. оно снова поднялось до 940, но затѣмъ, постепенно понижаясь, дошло до 613 (въ 1876 г.), послѣ чего уже непрерывно возрастало до нынѣшняго числа, именно 1709 студентовъ. Разбивая всю исторію Университета на 7-лѣтія, находимъ, что въ 1-е семилѣтіе (1833—40 гг.) было среднимъ числомъ 200 студ.; во второе семилѣтіе, когда открытъ былъ медицинскій факультетъ, 454; въ 3-е, при существованіи штатнаго числа студентовъ, 630; въ 4-е, т. е. отъ начала прошлаго царствованія до устава 1863 г.—938; въ 5-е до реформъ гимназій—500; въ 6-е предпослѣднее—762; наконецъ въ 7-е и послѣднее—1164. Такимъ образомъ, не смотря на указанные перерывы, общее число студентовъ только одинъ разъ, вслѣдствіе переворота 1863 г., понизилось въ среднемъ выводѣ—за цѣлый 7-лѣтній циклъ.

Устранивъ отъ разсчета эти временныя колебанія, вызванныя внѣшними и извѣстными причинами, мы находимъ и въ нашемъ Университетѣ новое доказательство того, что возрастаніе числа лицъ, стремящихся къ высшему образованію и отчасти достигающихъ его есть явленіе непреложное и необходимое.

Какъ общее большое число студентовъ, такъ въ особенности это неудержимое и правильное стремленіе его къ ежегодному возрастанію не всегда и не всѣми признавались за общественное благо; напротивъ, иногда видѣли въ томъ значительное зло и изобрѣтали мѣры для борьбы

съ нимъ. Въ Россіи въ 1849 году для этой цѣли было установлено штатное число студентовъ, одинаковое для каждаго университета, именно по 300 студентовъ сначала вообще для цѣлаго университета, потомъ—за исключеніемъ медицинскаго факультета. Мѣра эта, принеся свою долю вреда, не достигала и прямой цѣли, т. е. не остановила ежегоднаго прироста студенческаго населенія. Зачѣмъ, забѣгая впредь, со страхомъ помышлять о томъ времени, когда общеміровой законъ распространенія высшаго образованія приведетъ наконецъ къ усвоенію его всѣми? Для нынѣшняго состоянія общества всякій правильно мыслящій человѣкъ долженъ признать за аксіому, что чѣмъ бо́льшее количество гражданъ достигаетъ высшаго образованія, тѣмъ лучше не для нихъ только самихъ, но и для цѣлаго общества (предполагая конечно, что мы имѣемъ дѣло съ высшимъ образованіемъ, а не съ злоупотребленіемъ его; злоупотребленія ни въ маломъ, ни въ большомъ количествѣ не могутъ быть полезны). Въ прошломъ учебномъ году невозможность вмѣстить огромное число студентовъ медицинскаго факультета въ нынѣшнихъ аудиторіяхъ и учебно-вспомогательныхъ заведеніяхъ нашего Университета заставила высшее начальство ограничить извѣстною нормою число студентовъ-медиковъ; но это не имѣетъ ничего общаго съ мѣрою 1849 г. Само собою разумѣется, что огромная масса студентовъ, которымъ, однако, негдѣ учиться, не можетъ считаться явленіемъ утѣшительнымъ. Повторяемъ, что мы говоримъ о дѣйствительномъ развитіи высшаго образованія, а не объ увеличеніи именныхъ списковъ студентовъ.

Степени образованія распредѣляются вообще по степенямъ общественныхъ классовъ и экономической состоятельности, въ силу общаго и непобѣдимаго историческаго закона. Если мы увидимъ, что въ нашемъ Университетѣ преобладаетъ масса бѣдныхъ людей, то слѣдуетъ помнить, что это менѣе бѣдные среди прочихъ еще бѣднѣйшихъ классовъ общества, которые не попадаютъ въ Университетъ. Что-же касается до сословій, то исторія нашего Университета несомнѣнно показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ Университетъ былъ всегда доступенъ только для дворянскаго класса. Въ особенности такъ было до освобожденія крестьянъ и общей перестановки сословныхъ отношеній, вызванной крестьянскою реформою. Въ первое пятилѣтіе въ Университетѣ св. Владиміра дворяне составляли 88%; въ слѣдующія 80%.

Въ послѣднее пятилѣтіе предъ крестьянскою реформою студенты по сословіямъ распредѣлялись такъ: дворяне составляли въ Университетѣ 80% общаго числа студентовъ, дѣти лицъ духовныхъ 5%, лица городскихъ состояній—9%; остальныхъ около 6% приходилось на долю лицъ сельскихъ классовъ. Затѣмъ процентъ дворянъ постепенно понижался: въ недавнее время (именно въ 1881 году) на общую сумму 1270 студентовъ приходилось 610 дворянъ потомственныхъ и личныхъ, 253 — дѣтей лицъ духовныхъ, 361 — сыновей лицъ городскихъ состояній и 46 сельскихъ обывателей (крестьянъ и козаковъ). Стало быть дворяне потомственные и личные составляютъ 50%, или половину общаго числа, происходящіе изъ духовенства менѣе 20%, купцы и мѣщане около 30% и лишь 0,5% приходится на долю сельскихъ классовъ. Впрочемъ надо замѣтить, что въ числѣ дворянъ теперь преобладаютъ такъ называемые личные, т. е. дѣти чиновниковъ военной и гражданской службы, особенно-же на факультетѣ медицинскомъ; вообще изъ общей суммы 610 дворянъ, на долю потомственныхъ дворянъ въ 1881 году приходилось менѣе $\frac{1}{2}$, именно 283 студента въ цѣломъ Университетѣ, т. е. 22,1%, тогда какъ на долю дѣтей чиновниковъ—25,7%.

Въ первой половинѣ 1883 г. было всѣхъ дворянъ и дѣтей чиновниковъ 855 (50%), духовнаго званія — 248 (14,5%), городскихъ состояній—518 (30%), крестьянъ—56 (3,2%); остальные иностранцы. На медицинскомъ дворяне и дѣти чиновниковъ составляютъ 43%; на юридическомъ — 55%; на физико-математическомъ — также 55%; на историко-филологическомъ—57%.

Иногда, смѣшивая высшее образованіе съ факультетскимъ характеромъ его, видятъ опасность въ томъ, что въ обществѣ можетъ явиться чрезмѣрная масса предложенія спеціальныхъ видовъ труда, превышающая наличный запросъ на него. Для нашего общества и эта опасность еще неизмѣримо далека, не смотря на конкуренцію съ университетскимъ образованіемъ разныхъ спеціальныхъ школъ. Но и вообще, это— опасность мнимая: предложеніе спеціальныхъ знаній и безъ того постоянно сообразуется съ запросомъ на нихъ въ обществѣ; отъ этого происходитъ, что цифры числа студентовъ по факультетамъ представ-

ляютъ періодическія колебанія, преимущественно замѣтныя на двухъ практическихъ факультетахъ, т. е. юридическомъ и медицинскомъ.

Въ 1859 г. въ нашемъ Университетѣ было только 157 студент. юридическаго факультета, но за то 540 медицинскаго, т. е. число медиковъ превышало число юристовъ болѣе, чѣмъ въ три раза. Съ 1860 г., когда запросъ на людей высшаго образованія въ разныхъ отрасляхъ государственной службы сдѣлался значительнѣе, число студентовъ-юристовъ начинаетъ возрастать, а число студентовъ медиковъ падать; когда-же съ 1862 г. приближалась новая судебная реформа, то число юристовъ, уже превышаетъ число медиковъ, и наконецъ въ годъ изданія новыхъ судебныхъ уставовъ (1864) юристовъ находимъ вдвое больше, чѣмъ медиковъ. Но съ наполненіемъ мѣстъ, на которыя разсчитывали юристы, именно съ 1866 г., число юристовъ хотя и продолжаетъ возрастать абсолютно, но далеко не пропорціонально возрастанію числа медиковъ, пока наконецъ въ 1870 году числа студентовъ обоихъ сравниваемыхъ факультетовъ сдѣлались одинаковыми. Съ того времени число юристовъ пошло на убыль, а число медиковъ—къ новому возрастанію, пока наконецъ въ послѣдніе года число первыхъ не сдѣлалось въ 4 и даже въ 5 разъ меньше числа послѣднихъ (въ 1877 г. 93 и 481, въ 1881 году 175 и 785). Остальные два факультета болѣе устойчивы и равномѣрны; такъ историко-филологическій факультетъ почти неизмѣнно въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ составляетъ $^1/_9$ часть общаго числа студентовъ Университета; а физико-математическій до 1868 г. составлялъ $^1/_4$ часть общаго числа студентовъ; но съ того года процентъ студентовъ этого факультета понижается, такъ что въ 1882 г. дошелъ до $^1/_8$ части общаго числа студентовъ Университета. Въ 1883 г. на историко-филологическомъ факультетѣ было 162 студента, на физико-математическомъ — 253, на юридическомъ — 304, на медицинскомъ — 990. Часто видятъ въ этомъ признакъ утилитаризма въ стремленіяхъ университетской молодежи, доказывающій будто-бы ненаучность ихъ, вредную для дѣла высшаго образованія. Но нельзя смѣшивать высшаго образованія съ его прикладнымъ значеніемъ. Техническія формы труда психологически почти безразличны. Нѣсколько мистическая идея о прирожденности стремленій къ тому или другому роду дѣятельности лишь въ области искусства находитъ себѣ дѣйствительное примѣненіе; трудно согласиться, что есть прирожденные медики или юристы. Колебанія въ

относительномъ числѣ факультетовъ дѣлаются безспорно вредными тогда, когда создаются искусственно-прямыми правительственными распоряженіями; такъ, при назначеніи въ 1849 году общаго штатнаго числа студентовъ по всѣмъ прочимъ факультетамъ, число медиковъ оставлено неограниченнымъ; тогда естественно дѣло могло дойти до того, что число спеціалистовъ по одной отрасли превыситъ мѣру нужды въ нихъ среди общества, между тѣмъ какъ по другимъ отраслямъ ихъ будетъ крайній недостатокъ, не смотря на потребность въ нихъ въ обществѣ, какъ и это оказалось въ началѣ 60-хъ годовъ.

Такихъ сильныхъ колебаній числа студентовъ по факультетамъ, какія замѣчаются въ нашемъ и прочихъ русскихъ университетахъ, нѣтъ въ университетѣ Дерптскомъ; причина этой особенности понятна: Остзейскій край не испытываетъ переворотовъ въ государственномъ управленіи, держась настойчиво своихъ средневѣковыхъ особенностей; на него также не простиралась и большая часть тѣхъ мѣръ, которыя непосредственно направляемы были на русскіе университеты.

Опасенія на счетъ излишества лицъ, получающихъ высшее образованіе, уже потому напрасны, что число оканчивающихъ университетское образованіе несравненно меньше числа поступающихъ въ Университетъ. Первые курсы всегда и во всѣхъ факультетахъ преобладали и преобладаютъ численностію; а въ нашемъ Университетѣ число оканчивающихъ полный курсъ даже меньше числа выбывающихъ изъ Университета до окончанія курса. Явленіе это, впрочемъ, обще нашему Университету съ университетами Петербургскимъ, Дерптскимъ и Варшавскимъ. Отсюда иногда дѣлаютъ выводъ, что наше университетское образованіе не удовлетворяетъ требованіямъ общества и выбрасываетъ молодыхъ людей за стѣны Университета, дѣлая ихъ на вѣкъ нравственными и умственными недорослями. Упрекъ въ высшей степени несправедливый. Въ приливѣ массъ студентовъ на первые курсы и отливѣ ихъ на слѣдующихъ высшихъ выражается тотъ соціальный законъ, который самъ собою, безъ нашихъ хлопотъ, сокращаетъ число получающихъ высшее образованіе какъ разъ до того уровня, до котораго доросло извѣстное общество умственно и экономически. Въ тяжкомъ состязаніи за это высшее благо, достигаютъ цѣли и выходятъ побѣдителями далеко не всѣ, оставляя по дорогѣ массу товарищей ме-

нѣе сильныхъ талантами, знаніями, характеромъ и матеріальными средствами. Первое изъ этихъ условій, т. е. дарованія, не зависитъ ни отъ какихъ усилій Университета или общества и не подлежитъ здѣсь нашему разсмотрѣнію. Второе условіе, т. е. успѣхъ пріобрѣтенія знаній зависитъ какъ отъ того, съ какою подготовкою люди поступаютъ въ Университетъ, такъ и отъ того съ какими научными требованіями обращается къ нимъ самъ Университетъ. Состояніе Университета находится въ безусловной зависимости отъ состоянія среднихъ учебныхъ заведеній. Нашъ Университетъ гораздо раньше другихъ русскихъ университетовъ, именно уже съ 1839 г., поставленъ былъ въ этомъ отношеніи въ особыя условія, т. е. могъ принимать въ студенты только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ или другихъ равныхъ имъ заведеніяхъ. Это, безъ сомнѣнія, было выгоднымъ условіемъ для умственной зрѣлости его слушателей; воспитанники общественныхъ среднихъ училищъ во всякомъ случаѣ оказывались лучше подготовленными, чѣмъ люди домашняго образованія. Съ теченіемъ десятилѣтій гимназическое образованіе несомнѣнно улучшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и процентъ лицъ, которымъ высшее образованіе оказывалось не подъ силу, уменьшался. Но и гимназическое образованіе не разъ подвергалось сильнымъ колебаніямъ и часто было далеко отъ своего идеальнаго совершенства. Волею-неволею Университетъ долженъ былъ сообразоваться съ уровнемъ матеріала, получаемаго имъ изъ гимназій, и иногда сильно понижать свой собственный уровень: устраивать у себя элементарные курсы и классы особенно по древнимъ и новымъ языкамъ и математикѣ. Но дойти до совершенно - гимназическаго курса Университетъ не могъ и не можетъ, не отказываясь отъ своего собственнаго призванія. Если многіе не могутъ выполнить даже пониженныхъ требованій его и уходятъ съ первыхъ курсовъ, то отвѣтственность за это лежитъ не на Университетѣ.

Какія-же требованія научныхъ занятій возлагаетъ Университетъ на своихъ слушателей? Почти всѣ требованія сводятся къ выслушанію и уразумѣнію читаемыхъ лекцій. Это есть главный и преобладающій способъ академическаго изученія науки въ отличіе отъ гимназическаго, состоящаго въ усвоеніи учебниковъ. При слушаніи излагаемаго работаетъ умъ слушателя; воспринимаемое содержаніе лекціи есть результатъ двойной умственной работы профессора и студента. Никакая

книга не замѣнитъ живой бесѣды. Такой способъ изученія науки требуетъ, разумѣется, посѣщенія лекцій. До устава 1863 г. (или точнѣе въ царствованіе Императора Николая Павловича) обязанность посѣщенія лекцій соблюдалась довольно строго; но это достигалось не признаніемъ со стороны слушателей важности дѣла, а слѣдующими принудительными мѣрами: перекличками, которыя производили профессора, отмѣтками, которыя дѣлалъ помощникъ инспектора во время самой лекціи изъ-за спины профессора, журналами, по которымъ дѣлалась повѣрка попечителемъ и его помощникомъ, наблюденіемъ за трактирами и кофейнями во время лекцій, карцеромъ за извѣстное число пропущенныхъ лекцій и наконецъ исключеніемъ изъ Университета. До какой степени было полезно такое подневольное посѣщеніе лекцій —судить не беремся; важность дѣла, о которой мы говоримъ, состоитъ не въ тѣлесномъ присутствіи студентовъ въ аудиторіи, а въ умственномъ участіи ихъ въ выработкѣ результатовъ ученыхъ чтеній. Что эта умственная работа не была значительна, доказывается тѣмъ, что записи читаемыхъ лекцій и тогда велись лишь нѣкоторыми по очереди; остальные списывали тетради для экзамена. Само собою разумѣется, что это не только равняется литографированію лекцій, но даже превосходитъ послѣднее своимъ вредомъ: въ писаныхъ тетрадяхъ, какъ и въ литографіяхъ, получается готовый учебникъ, въ составленіи котораго не участвовало своимъ умомъ огромное большинство студентовъ. Это такой-же гимназическій учебникъ, только не провѣренный, иногда исполненный грубыхъ ошибокъ, и требующій тяжкаго и безплоднаго труда списыванія. Однако и литографіи вошли въ употребленіе въ ту до-реформенную эпоху, по почину петербургскаго университета, и сначала пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ.

Второй способъ самостоятельнаго, академическаго изученія науки—это такъ называемыя практическія занятія, которыя на факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ явились съ самаго перваго момента открытія этихъ факультетовъ по свойству наукъ того и другаго; но въ первый періодъ исторіи нашего Университета они не могли идти съ надлежащею правильностію и пользою по недостатку лабораторій и кабинетовъ. На историко-филологическомъ факультетѣ такія занятія велись по изученію древнихъ языковъ, но здѣсь уже отнюдь не были самостоятельнымъ изученіемъ науки, состоя изъ пе-

реводовъ классическихъ авторовъ по порядку стиховъ и статей, отмѣченныхъ профессоромъ. На юридическомъ факультетѣ практическія упражненія поняты были, какъ пріученіе студентовъ къ казуистикѣ судебныхъ рѣшеній и формамъ производства дѣлъ.

Истинное значеніе практическихъ занятій состоитъ не въ житейской и судебной практикѣ, а въ изученіи той-же самой теоріи науки, которой посвящены и лекціи, но путемъ собственной работы ума студента. Такія занятія появились въ нашемъ Университетѣ тотчасъ по введеніи устава 1863 г., именно они установлены правилами 1863 г. въ слѣдующихъ формахъ: практическія занятія состоятъ, смотря по свойству науки, или въ изученіи и толкованіи источниковъ, или въ рѣшеніи отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросовъ, или въ оцѣнкѣ литературы науки, или въ анализахъ при помощи опытовъ въ лабораторіяхъ. Конечно, вся масса студентовъ не можетъ быть привлечена къ такой дѣятельности, и, главное, работы каждаго не могутъ быть провѣрены профессоромъ публично въ аудиторіи; но публичное сообщеніе результатовъ съ возбужденіемъ преній, дѣлаетъ работу одного достояніемъ труда всѣхъ. Явленіе это, которому несомнѣнно предстоитъ добрая будущность, еще только созрѣваетъ и развивается.

Слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что Университетъ есть преимущественно учрежденіе *для самообразованія* молодыхъ людей, ищущихъ высшихъ знаній, что для этой цѣли развитіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій равнозначительно успѣхамъ профессорскихъ чтеній. Вотъ почему, съ изданіемъ устава 1863 г., совѣтъ Университета св. Владиміра обратилъ главнѣйшее вниманіе на улучшеніе прежнихъ и устройство новыхъ коллекцій, лабораторій, музеевъ, клиникъ и кабинетовъ. Къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе библіотеки, Университетъ прибавляетъ свои (въ 1883 г.—2519 руб. 19 к.); хотя общая библіотека доступна вполнѣ для студентовъ, но кромѣ нея существуетъ особый студентскій отдѣлъ, пополняемый изъ спеціальныхъ средствъ Университета (въ 1883 г. употреблено на него 1739 р. 31 к.). Въ предшествующее время музеи и коллекціи оставались большею частію такими, какими привезены были изъ Кременца и Вильны; цѣлыя десятилѣтія оставались они почти безъ улучшеній по недостатку средствъ, хотя такіе профессора, какъ Кесслеръ, употребляли всѣ усилія, чтобы поставить ихъ на надлежащую научную высоту. Тотчасъ по введеніи

новаго устава 1863 г. совѣтъ началъ хлопотать о соединеніи университетскихъ клиникъ съ городскою больницею; когда дѣло это оказалось безуспѣшнымъ, то по ходатайству совѣта университетскія клиники расширены въ 1865 г. на счетъ квартиръ ректора, экзекутора и студенческой больницы. Тогда-же заявлена мысль объ образованіи вновь клиники глазныхъ болѣзней, которая осуществлена нѣсколько лѣтъ спустя и содержаніе ея Университетъ взялъ на себя. Затѣмъ, когда признано было, что расширеніе клиникъ на счетъ другихъ учрежденій Университета вредитъ этимъ послѣднимъ, а помѣщеніе ихъ въ главномъ зданіи Университета вредитъ и самимъ клиникамъ, то начались хлопоты о возведеніи отдѣльныхъ зданій для клиникъ, чтó наконецъ близится къ осуществленію лишь въ текущемъ году. Расширяя клиники, Университетъ принималъ на себя все большее и большее количество денежныхъ расходовъ по содержанію ихъ на свои спеціальныя средства; кромѣ прямаго ежегоднаго расхода на клиники, явились косвенныя траты, обусловленныя тѣмъ-же обстоятельствомъ: лишивъ ректора и проректора квартиръ въ своемъ зданіи, Университетъ долженъ былъ назначить имъ квартирныя деньги. Въ 1868 г. открыты новые кабинеты для институтовъ физіологическаго и медицинской химіи, гдѣ начали заниматься практически и студенты. Тогда-же устроена вновь болѣе удобная фармакологическая лабораторія, гдѣ также начаты практическія занятія студентовъ, и на это идутъ спеціальныя средства Университета. Для усиленія занятій студентовъ, въ 1869—70 учебномъ году исходатайствовано разрѣшеніе—устроить лабораторію при каѳедрѣ общей патологіи и гистологіи; въ 1873 году приступлено къ постройкѣ ея при анатомическомъ театрѣ и содержаніе ея опять пало на спеціальныя средства Университета.

Съ 1865—66 года физико-математическій факультетъ устроилъ практическія занятія студентовъ въ химической лабораторіи; но тотчасъ-же оказалось, что тогдашнее помѣщеніе этой лабораторіи вовсе не соотвѣтствуетъ ея назначенію, чтó признано было факультетомъ еще въ 40-хъ годахъ. Съ 1868 г. рѣшено построить новое зданіе для нея, которое наконецъ и открыто въ 1873 году, поглотивъ значительную часть спеціальныхъ средствъ Университета. Въ 1874 году на мѣстѣ прежней химической лабораторіи устроена физическая лабораторія въ связи съ физическимъ кабинетомъ; тогда-же устроена

небольшая лабораторія при кабинетѣ ботаники. Такимъ образомъ справедливо заявлялъ Университетъ въ томъ году, что, по мѣрѣ своихъ средствъ, старался обставить преподаваніе опытныхъ наукъ необходимыми пособіями, и, если въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ каѳедръ далеко не имѣютъ всего того, что необходимо съ строго научной точки зрѣнія, то по крайней мѣрѣ нельзя отрицать, что Университетъ старался сдѣлать то, что было для него возможно и доступно. Изъ прежнихъ учрежденій особенно астрономическая обсерваторія нуждалась въ лучшемъ устройствѣ, заключая въ себѣ весьма несовершенные и мало пригодные приборы; нынѣ она приведена въ состояніе, удовлетворяющее ея назначенію, и потому успѣла сдѣлать правильный рядъ работъ по опредѣленной программѣ.

На факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ нѣтъ мѣста для такихъ постоянныхъ учрежденій. Однако здѣсь еще въ 1869 г. учреждена была историческая семинарія и выработаны особыя правила для нея. Съ тѣхъ поръ отъ времени до времени студенты филологи и юристы привлекаются къ самостоятельнымъ занятіямъ въ мѣстномъ центральномъ архивѣ. По большей части остальныхъ каѳедръ ведутся практическія занятія, сообразныя съ свойствами каждой науки въ аудиторіяхъ. Еще съ давнихъ временъ введены обязательныя домашнія письменныя работы; никто изъ студентовъ не можетъ приступить къ окончательному испытанію, не представивъ сочиненія.

Благодаря разнымъ мѣрамъ такого рода, самостоятельныя научныя работы студентовъ, столь рѣдкія въ первый періодъ исторіи Университета, развиваются въ числѣ и достоинствѣ. При Университетскихъ Извѣстіяхъ открытъ: „Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра“, котораго вышло уже шесть томовъ и въ составѣ котораго можно уже указать на нѣсколько выдающихся и цѣнныхъ для науки трудовъ. Поощряя ученыя работы студентовъ, Университетъ изъ своихъ средствъ ежегодно добавляетъ на выписку медалей въ награду за нихъ (въ 1883 г.—727 р. 96 к.).

Научныя занятія студентовъ, столь увеличившихся въ числѣ, разумѣется, не могутъ быть ровными и постоянными: не всѣ посѣщаютъ лекціи; еще меньшая часть ведетъ практическія работы. Кого винить въ томъ и гдѣ мѣры противъ этого зла? Значеніе университетскаго образованія, требующаго по существу своему свободы, не допускаетъ

мысли о возможности и необходимости вернуться къ прежнимъ мѣрамъ принужденія. Каждый изъ преподавателей излагаетъ содержаніе своей науки по мѣрѣ силъ и знаній, причемъ трудно заботиться о красотѣ формы. Изученіе науки есть трудъ настойчивый и тяжкій, а отнюдь не забава; привлеченіе къ ней внѣшними усиліями, а тѣмъ болѣе обращеніе аудиторій въ мѣста развлеченія не согласуется съ достоинствомъ Университета, оскорбительно для слушателей, людей зрѣлыхъ и ищущихъ знанія, только знанія.

Вотъ этой-то зрѣлости ждетъ Университетъ отъ своихъ слушателей. Въ аудиторіяхъ первыхъ курсовъ собираются люди, на которыхъ Университетъ не могъ еще оказать своего дѣйствія; онъ добивается этого лишь на высшихъ курсахъ (о другой причинѣ зла, именно бѣдности значительной массы студентовъ рѣчь впереди).

Таковы немногосложныя требованія, какія предъявляетъ Университетъ къ своимъ слушателямъ. Неисполненіе ихъ и приводитъ къ тому печальному результату, о которомъ мы упомянули, именно къ тому, что значительная часть поступающихъ въ Университетъ оставляетъ его, не достигши окончательной цѣли. Часть слушателей сама не является къ экзамену, другая не выдерживаетъ его. Бѣгство изъ Университета и отъ экзаменовъ есть явленіе весьма старое. Хотя въ первый періодъ Университетъ самъ производилъ пріемныя испытанія, самъ рекрутировалъ себѣ слушателей, а въ болѣе раннее время управлялъ гимназіями своего округа, но и тогда далеко не весь контингентъ принятыхъ въ Университетъ оказывался способнымъ довести свой курсъ до конца. Уходящіе изъ Университета среди курса въ 40-хъ годахъ составляли около 10% общаго числа студентовъ, среднее число вступавшихъ въ Университетъ было тогда 140, а среднее число оканчивавшихъ со степенями—64, т. е. менѣе половины вступающихъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ иногда половина студентовъ не приступала къ экзаменамъ, или, приступивъ, не окончивала его; такъ въ 1844—45 г. подлежало экзамену 96 студ., а окончило 55. Въ настоящее время, когда Университетъ получаетъ готовый обязательный для пріема составъ слушателей, то хотя процентъ не приступающихъ къ первымъ экзаменамъ, или неоканчивающихъ испытанія, меньше, однако значителенъ; на послѣднемъ окончательномъ испытаніи такихъ уклоненій или вовсе не бываетъ, или они крайне рѣдки.

Изъ сокращеннаго числа приступившихъ къ экзамену и окончившихъ его, отпадаетъ извѣстная доля не выдержавшихъ. Такимъ образомъ создается то явленіе, что между числомъ поступающихъ въ Университетъ и числомъ оканчивающихъ курсъ со степенями и званіями и донынѣ нѣтъ никакого соотвѣтствія. Именно, мы видѣли, что всѣхъ перебывавшихъ въ Университетѣ было до 7 тыс., а окончившихъ курсъ со степенями и званіями 4203, т. е. достигаютъ окончанія высшаго образованія лишь немного болѣе половины всѣхъ, которые поступаютъ въ Университетъ; въ 1883 году выбыло до окончанія курса 191, по окончаніи 182 студентовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что обвиненія въ послабленіи на университетскихъ экзаменахъ имѣютъ мало почвы.

Въ послѣднее пятилѣтіе Университетъ св. Владиміра ввелъ контрольныя испытанія при переходѣ изъ одного курса въ другой, желая предостеречь молодыхъ людей, еще не привыкшихъ благоразумно пользоваться свободою по выходѣ изъ гимназій; мѣра эта успѣла уже принести свою долю пользы. Контроль надъ занятіями студентовъ, помимо экзаменовъ, до сихъ поръ еще не придуманъ.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о третьемъ условіи, необходимомъ для достиженія окончательной цѣли высшаго образованія, т. е. о правильномъ развитіи воли. Университетъ получаетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ получать людей зрѣлыхъ не только умственно, но и морально. За это, повидимому, ручается и возрастъ, и большое время, проведенное въ гимназіи. Въ силу этого Университету съ начала 60-хъ годовъ не предоставлялось, какъ извѣстно, никакихъ внѣшнихъ воспитательныхъ мѣръ относительно студентовъ. Въ прежнія времена такія мѣры предоставлялись тогдашней университетской инспекціи.

Исторія инспекціи въ нашемъ Университетѣ такова: по уставу 1833 года инспекторъ назначался попечителемъ изъ постороннихъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и власть его простиралась не только на казеннокоштныхъ студентовъ, но и на вольноприходящихъ. Но по этому первоначальному уставу инспекція поставлена въ тѣсную связь съ прочими университетскими властями; именно „университетская полиція состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи ректора“, говоритъ уставъ. Отношенія ея къ совѣту выражаются въ томъ,

что правила о надзорѣ за своекоштными студентами составляются совѣтомъ. Въ послѣдствіи тѣсная связь инспекціи съ университетскими властями прекратилась: инспекторъ, освобожденный отъ подчиненія ректору, зависѣлъ непосредственно отъ попечителя. Что касается до сущности надзора, то уставъ 1833 г., какъ сейчасъ упомянуто, именуетъ инспекцію — университетскою полиціею; но по инструкціи, составленной тогда, надзоръ долженъ былъ обнимать и части: нравственную, учебную и хозяйственную. Первая изъ этихъ задачъ превращала инспекторскій надзоръ въ учрежденіе чисто воспитательное; напримѣръ инспекторъ долженъ былъ преслѣдовать роскошь, особенно въ людяхъ недостаточнаго состоянія, смотрѣть, чтобы студенты не отличались странностью и неприличіемъ въ пріемахъ, походкѣ и тѣлодвиженіи и т. д.

Возможность такого чисто-воспитательнаго надзора объясняется тѣмъ, что въ то время при Университетѣ состояли закрытые институты казеннокоштныхъ воспитанниковъ; только къ нимъ могли быть примѣняемы многія изъ постановленій инструкціи и выработанныхъ впослѣдствіи правилъ; правила о домашней жизни казеннокоштнаго студента могли быть примѣняемы и дѣйствительно примѣнялись во всей полнотѣ: студентъ долженъ быть на лекціяхъ; если въ часы лекцій камеры института закрыты, то студенту не оставалось ничего болѣе, какъ идти въ Университетъ; студентъ долженъ быть въ институтѣ въ 10 часовъ вечера и ни подъ какимъ видомъ не долженъ почевать внѣ института безъ вѣдома инспектора; онъ не можетъ принимать въ камерѣ для занятій гостей, своекоштныхъ студентовъ или другихъ постороннихъ особъ безъ согласія помощника инспектора; студентъ не можетъ послѣ 8 часовъ утра оставаться въ камерѣ въ утреннемъ одѣяніи. Общій обѣдъ, общія молитвы, постоянное пребываніе въ институтѣ помощника инспектора — все это могло установить постоянный и неизмѣнный режимъ студенческой жизни. Точно также могъ быть установленъ и надзоръ за учебными занятіями студентовъ: студентъ, не явившійся на семестральное испытаніе или не выдержавшій его, лишался отпуска домой во время вакацій, или подвергался другимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ (въ частности карцеру до тѣхъ поръ, пока не приготовится къ экзамену). Припомнимъ, что въ институты казеннокоштныхъ студентовъ принимаемы были и пансіонеры прика-

зовъ общественнаго призрѣнія и своекоштные пансіонеры; такимъ образомъ дѣятельный и дѣйствительный надзоръ захватывалъ все большее и большее количество студентовъ, общее число которыхъ было еще не велико. Остававшіеся на свободныхъ квартирахъ студенты извѣстны были инспектору и его помощникамъ въ лицо; этимъ послѣднимъ извѣстны были нравственныя привычки и образъ жизни каждаго изъ нихъ.

Въ 1837 г., когда въ первый разъ проявились въ университетѣ польскіе политическіе замыслы и четверо изъ студентовъ подверглись наказанію, гр. Уваровъ нашелъ необходимымъ усилить инспекторскій надзоръ: предписаны были новыя правила наблюденія за выборомъ квартиръ студентами, за обязательнымъ присутствіемъ при богослуженіи, за строгимъ соблюденіемъ формы въ одеждѣ, установлены строгія наказанія за неблагонамѣренность, своевольство, дерзость и неповиновеніе начальству; испрошены были новыя средства на двухъ лишнихъ помощниковъ инспектора и педелей. Но въ числѣ этихъ мѣръ наиболѣе важною было открытіе дома для бѣдныхъ или неблагонадежныхъ студентовъ. Какъ видно изъ повода къ учрежденію этого заведенія, существенная цѣль его была: взять подъ ближайшее наблюденіе студентовъ въ чемъ-либо замѣченныхъ, которые и должны были помимо доброй воли переходить въ него на жительство. Вторая благотворительная цѣль была уже второстепенною; однако она по временамъ брала верхъ надъ первою: уставъ 1842 г., утвердившій существованіе заведенія для недостаточныхъ студентовъ, говоритъ лишь „объ облегченіи способовъ содержанія студентовъ“. Сюда добровольно и охотно стекались бѣдняки и, не платя ничего за помѣщеніе и отопленіе, вносили лишь ничтожную сумму за столъ. Такимъ образомъ другая масса студентовъ, не попавшихъ на казенное содержаніе, попадала подъ ближайшій непосредственный надзоръ инспекціи. Сюда же обязательно были помѣщаемы профессорскіе стипендіаты, т. е. студенты, получавшіе пособія изъ ежегодныхъ пожертвованій профессоровъ. Здѣсь также постоянно жилъ одинъ изъ помощниковъ инспектора. Это заведеніе, прозванное штрафгаузомъ, пережило потомъ самые институты казеннокоштныхъ студентовъ и никогда не утрачивало своей первоначальной воспитательной цѣли, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ своего существованія.

Для производства воспитательнаго надзора избираемы были на должность инспектора сначала отставные военные чины; они, по свойству своей бывшей профессіи, сообщали надзору военно-дисциплинарный характеръ; иногда такой характеръ инспекціи смягчался патріархально-отеческимъ настроеніемъ. Съ середины сороковыхъ годовъ, съ назначеніемъ на должность гражданскаго чиновника, надзоръ принялъ болѣе или менѣе внѣшній полицейскій характеръ; иначе впрочемъ и не могло быть при постепенно-увеличивающемся количествѣ студентовъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ большаго города.

Когда въ 1858 году казеннокоштные институты были закрыты во всѣхъ университетахъ, а въ 1860 году той же участи подверглось и заведеніе для недостаточныхъ студентовъ, то естественно было ожидать измѣненій и въ системѣ университетскаго надзора: въ 1859 году студенты, какъ мы знаемъ, освобождены отъ надзора своей инспекціи внѣ стѣнъ Университета, а черезъ два года измѣнена и система наказаній, изъ числа которыхъ удержано только одно исключеніе. Такой порядокъ утвержденъ потомъ уставомъ 1863 года, такъ что весь надзоръ, какъ внутри, такъ и внѣ Университета, признанъ только полицейскимъ. Послѣ 1863 г. университетская инспекція могла состоять подъ вѣдомствомъ или проректора изъ профессоровъ, или инспектора изъ постороннихъ чиновниковъ. Университетъ св. Владиміра во весь 20-лѣтній періодъ держался первой системы, за исключеніемъ краткаго времени въ 1879 г., когда возстановлена была внѣшняя инспекція во всѣхъ русскихъ университетахъ. Во все это время Университетъ располагалъ только карательными средствами воздѣйствія на волю студентовъ, не обладая никакими прямыми воспитательными мѣрами. Карательныя мѣры, разумѣется, наступаютъ лишь по совершеніи уже проступка; онѣ и были примѣняемы съ возможною строгостію, хотя университетскому суду во все время его существованія приходилось функціонировать только три раза.

Нравственная незрѣлость молодежи, поступавшей въ Университетъ, была одною изъ обильнѣйшихъ причинъ преждевременнаго и невольнаго выхода многихъ изъ Университета, хотя прежде инспекція, а потомъ совѣтъ старались щадить, гдѣ возможно, жертвъ этой незрѣлости, надѣясь на самоисправленіе и рѣдко ошибаясь въ своихъ надеждахъ.

Наконецъ однимъ изъ препятствій къ успѣшному окончанію курса служитъ бѣдность значительной части студентовъ; обстоятельство это все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе общества и иногда какъ-бы приписывается вліянію дѣйствующихъ университетскихъ порядковъ. Но общая бѣдность въ главной массѣ студенчества есть явленіе старое и постоянно присущее русскимъ университетамъ; она объясняется и общимъ невысокимъ экономическимъ развитіемъ страны и стремленіемъ людей богатыхъ воспитывать своихъ дѣтей или дома или въ разныхъ спеціальныхъ—военныхъ, коммерческихъ и гражданскихъ училищахъ, иногда по задачамъ своимъ прямо конкурирующихъ съ университетскими факультетами (каковы напр. Александровскій лицей, училище правовѣдѣнія и др.). При основаніи Университета въ Кіевѣ законодатель разсчитывалъ на значительную массу бѣдняковъ, назначивъ для тогдашнихъ двухъ факультетовъ 50 вакансій казеннокоштнаго содержанія. Съ основаніемъ медицинскаго факультета, по штату 1842 г., число казеннокоштныхъ увеличено до 130 человѣкъ. Сверхъ того приказы общественнаго призрѣнія большей частію губерній содержали на свой счетъ пансіоперовъ въ университетахъ, такъ что въ половинѣ 40-хъ годовъ у насъ до 150 человѣкъ получали государственную, или общественную помощь. Сверхъ казеннокоштныхъ институтовъ было тогда еще заведеніе для недостаточныхъ студентовъ, гдѣ эти послѣдніе пользовались или полнымъ содержаніемъ на счетъ Университета (спеціальныхъ средствъ и профессорскихъ пожертвованій), или даровою квартирою съ ничтожною приплатою за столъ. И въ этомъ заведеніи содержалось 40—60 студентовъ, такъ что полное число призрѣваемыхъ въ 40-хъ годахъ доходило до 200 человѣкъ. А такъ какъ въ то время общее число студентовъ въ Университетѣ было около 570, то болѣе $^1/_3$ всего числа студентовъ содержалось не на свои средства. Однако еще немалое число нуждалось въ помощи, не получая ея: въ отчетѣ 1847 г. было заявлено, что не смотря на указанныя мѣры правительства и общества, около 80 человѣкъ остается безъ всякихъ средствъ къ содержанію.

Но тогда студентовъ въ Университетѣ было втрое меньше нынѣшняго; другихъ учебныхъ заведеній было немного, а потому бѣдняки легко могли отыскивать себѣ пропитаніе уроками и репетиціями. Съ увеличеніемъ числа студентовъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ процентъ бѣдня-

ковъ хотя и остается такимъ-же, но безотносительное число ихъ становится такъ замѣтно, что возбуждаетъ упомянутое ложное впечатлѣніе, будто студенческій пролетаріатъ обязанъ своимъ бытіемъ новымъ университетскимъ порядкамъ.

Бѣдность значительной массы студентовъ дѣйствительно возрастала въ послѣдніе 20 лѣтъ, но лишь интенсивно, т. е. процентъ бѣдняковъ оставался тотъ-же, если не меньшій, но нужда чувствовалась сильнѣе и неотразимѣе въ слѣдствіе непомѣрнаго возрастанія цѣнъ: еще въ 1872 г. сами студенты вычислили, что для существованія въ Кіевѣ студентъ долженъ имѣть не менѣе 375 руб. въ годъ, а между тѣмъ, по заявленіямъ 355 студентовъ, только 14 изъ нихъ имѣли обезпеченное содержаніе, 106 пробивались уроками, остальные-же 235 нуждались въ сторонней помощи.

Государственное казначейство назначало по штату 1842 г. более 22 тыс. на содержаніе и лѣченіе студентовъ; по штату 1863 г., хотя и назначено на эту потребность до 25 тыс. и на лѣченіе студентовъ 2 тыс., но при послѣдующихъ измѣненіяхъ особыми распоряженіями нынѣ на содержаніе собственно студентовъ, именно на стипендіи и пособія дается лишь около 20 тыс., т. е. менѣе чѣмъ въ 1842 г., хотя тогда было студентовъ во всемъ Университетѣ 259 (въ слѣдующее за тѣмъ пятилѣтіе среднимъ числомъ 450), а нынѣ ихъ около 1700, т. е. въ четверо больше. Тогда приходилось на каждаго изъ студентовъ среднимъ числомъ по 50 р. казенной помощи, а нынѣ—по 11 р. При этомъ нужно имѣть въ виду, что на счетъ суммъ государственнаго казначейства полагается стипендій только 39 (на что и ассигнуется 11,600 р.); именно изъ нихъ 25 въ замѣнъ прежнихъ казеннокоштныхъ вакансій медицинскаго института, которыхъ однако тогда полагалось 80; остальная-же меньшая часть суммы идетъ на пособія. Благодаря недостатку суммъ и многочисленности требованій, Университетъ принужденъ дробить пособія на мелкія частички (отъ 60 до 80 р.), а такая дробность ихъ естественно ослабляетъ силу помощи, такъ что лицъ, дѣйствительно обезпечиваемыхъ средствами казенными нужно считать только 39; остальная масса получающихъ пособія извлекается ими лишь изъ временной и случайной нужды. Но и при такой дробности пособій, число всѣхъ стипендіатовъ и получившихъ пособія изъ суммъ государственнаго казначейства въ послѣдній пе-

ріодъ исторіи Университета много ниже числа призрѣваемыхъ казеннымъ содержаніемъ въ первый періодъ. Именно прежде, какъ мы видѣли, были обезпечены содержаніемъ около 200 человѣкъ,—или 35%. Со времени-же введенія штата 1863 г., среднимъ числомъ въ 60-хъ годахъ получали помощь 139 студентовъ въ годъ, или около 25%; въ 70-хъ годахъ 184 студ., т. е. около 23%; въ послѣдніе годы 165 студ., или 13,5% (включая въ то число и получавшихъ частныя стипендіи). Въ 1882 г. изъ 1475 студ. казенными стипендіями пользовались 32, пособіями 71, всего 103 студ., что́ составляетъ только 7% общаго числа студ. Въ 1883 г. изъ 1709 студ. казенныя стипендіи получали 19, пособіями воспользовались 111, что́ составляетъ 8% общаго числа студ., а не 35%, какъ было при существованіи казеннокоштныхъ.

Во всякомъ случаѣ государственныя средства помощи отнюдь не поспѣвали за увеличеніемъ числа бѣдныхъ, благодаря быстрому возрастанію общаго числа студентовъ. Совѣтъ Университета съ самаго начала дѣйствія своего при новомъ уставѣ не одинъ разъ поднималъ вопросъ объ оказаніи помощи бѣднымъ студентамъ, независимо отъ средствъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства, и въ 1869 г. постановилъ отдѣлять въ каждомъ полугодіи 10% изъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій, что́ и послужило основаніемъ для учрежденія *попечительства о недостаточныхъ студентахъ* въ томъ-же 1869 г. Попечительство состоитъ изъ лицъ начальствующихъ въ Университетѣ: попечителя, ректора, проректора и декановъ, а также и изъ стороннихъ жертвователей. Учрежденіе это вызвало вскорѣ частную щедрую благотворительность. Въ свою 14-лѣтнюю дѣятельность попечительство оказало Университету огромную услугу, расходуя среднимъ числомъ въ годъ около 6 тыс. руб. на помощь студентамъ; въ послѣднее время, ограничивъ свою задачу выдачею стипендій, оно назначаетъ ихъ до 20 (въ томъ числѣ на счетъ пожертвованій Демидова кн. С.-Донато и гг. Терещенко. Всего-же попечительствомъ за все время его существованія израсходовано на студентовъ 81569 р. 34 к. Университетъ съ своей стороны расходуетъ значительныя суммы изъ спеціальныхъ средствъ: въ минувшемъ учебномъ году для этой цѣли выдано 6449 р. 66 к.

Главнѣйшее средство помощи, которымъ располагалъ самъ Университетъ, есть освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, что́ хотя

и не увеличиваетъ средствъ студента, но предотвращаетъ ихъ уменьшеніе. Обыкновенно получающіе стипендіи и пособія освобождаются и отъ этой платы. Сверхъ того среднее число освобожденныхъ отъ платы въ 60-хъ годахъ составляло 60 человѣкъ или 10% общаго числа студентовъ; въ первое пятилѣтіе 70-хъ годовъ — 172 лица, или 21% всего числа студентовъ; во второе пятилѣтіе 70-хъ годовъ среднимъ числомъ приходилось освобожденныхъ 150 человѣкъ, или около 20%; въ послѣдніе годы—200 человѣкъ, или 12% общаго числа студентовъ. Въ 1882 г. было освобождено 198 человѣкъ, а въ 1883 г. 204.

Какъ ни щедръ могъ быть Университетъ въ дарованіи освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, но онъ связанъ при этомъ условіями предписанными въ правилахъ. Тѣ изъ студентовъ, которые не въ состояніи внести плату, но и не могутъ быть освобождены Университетомъ, лишены были-бы тотчасъ возможности продолжать курсъ высшаго образованія, если-бы на помощь не явилось съ недавняго времени (1881 г.) *общество вспомоществованія студентамъ Императорскаго Университета св. Владиміра;* оно, хотя имѣетъ (по уставу) различныя цѣли помощи (выдачу пособій, удешевленіе квартиръ, помощь при лѣченіи, пріисканіе занятій), но вскорѣ свою дѣятельность сосредоточило главнымъ образомъ на внесеніи за неимущихъ платы за слушаніе лекцій.

Общество это совершенно частное, стоящее внѣ Университета. Такою-же стороннею помощію являются стипендіи, назначаемыя разными вѣдомствами, земствами и городскими обществами; изъ нихъ земства восприняли на себѣ прежнія функціи приказовъ общественнаго призрѣнія, содержавшихъ въ Университетѣ воспитанниковъ на свой счетъ. Но помощь съ этой стороны—случайная: стипендіаты вѣдомствъ, земствъ и городскихъ обществъ получаютъ пособія, когда находятся въ Университетѣ св. Владиміра. Таковы 2 стипендіи св. синода, стипендіи Виленскаго учебнаго округа, государственнаго контроля (Островскаго), Императорскаго человѣколюбиваго общества, Гатчинскаго сиротскаго института, Черниговскаго, Лохвицкаго, Переяславскаго и Золотоношскаго дворянства и разныхъ земствъ. Эта помощь не только случайна, но и не вѣрна. Такъ дворянство юго-западнаго края, по случаю празднованія 25-лѣтія царствованія Императора Николая Павловича назначило нѣсколько стипендій для воспитанія своихъ дѣтей

въ гимназіяхъ и университетахъ. Изъ числа такихъ стипендіатовъ въ 1882 г. обучалось въ Университетѣ 15 лицъ, а въ 1883 г. 16; но ни по одной изъ такихъ стипендій дворянство денегъ не вносило и такое значительное число стипендіатовъ, значась лишь въ отчетахъ, неправильно возвышаетъ итогъ студентовъ, будто-бы пользующихся стороннею помощію. Всѣхъ стипендіатовъ вѣдомствъ, земствъ и обществъ въ послѣдніе годы въ Университетѣ было около 40 (въ 1882 г. 34, въ 1883—42).

Болѣе устойчивою и вѣрною помощію служатъ частныя стипендіи, начавшія притекать лишь съ 70-хъ годовъ; до того времени былъ только одинъ случай основанія такихъ стипендій, именно въ 1853 г. въ честь Д. Г. Бибикова; нынѣ Университетъ имѣетъ 103 тыс. капитала на стипендіи въ 15 фондахъ, обезпечивающихъ 22 стипендіи, такъ что ежегодно свыше 5 тыс. можетъ быть употреблено изъ этого источника. Многіе изъ этихъ капиталовъ составляютъ коллективную лепту вдовицы, составились по частной подпискѣ между служащими въ самомъ Университетѣ и въ Кіевскомъ учебномъ округѣ (стип. Бибикова), или въ мѣстномъ обществѣ въ честь дѣятелей Университета и его профессоровъ (Брадке, Пирогова, Бунге, Эйсмана, Меринга, Афанасьева). Сюда относятся двѣ профессорскихъ стипендіи главнымъ образомъ изъ ежегодныхъ пожертвованій профессоровъ. Нѣкоторыя составляютъ акты благородной щедрости отдѣльныхъ частныхъ лицъ (кн. С.-Донато). Люди, жертвующіе избытокъ своихъ средствъ, а тѣмъ болѣе участвующіе въ пожертвованіяхъ, не имѣя вовсе избытка въ нихъ, несомнѣнно совершаютъ однимъ этимъ дѣяніемъ двойной подвигъ частной благотворительности и общественной услуги дальнѣйшему преуспѣянію просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Имена ихъ Университетъ чтитъ, какъ лучшій залогъ своей связи съ обществомъ, какъ признакъ того, что въ обществѣ не изсякаетъ вѣра въ достоинство и пользу высшаго образованія.

Всѣхъ стипендій разныхъ наименованій въ 1882 году было роздано 120, а въ 1883—111. Всѣхъ, воспользовавшихся льготами, т. е. стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы въ 1882 г. было 379, а въ 1883 г.—360, что̀ составляетъ 20% общаго числа студентовъ. Во всякомъ случаѣ въ помощи, безъ основаній, не отказывается никому.

Вотъ, мм. гг., черты исторіи Университета св. Владиміра, показавшіяся намъ не совсѣмъ недостойными Вашего вниманія.

Нелегко представить въ осязательныхъ чертахъ мѣру пользы, которая оказана Университетомъ государству и обществу въ теченіи 50 лѣтъ; умственныя побѣды одерживаются не въ одинъ часъ и не даютъ повода къ викторіальнымъ торжествамъ. Сила знанія, подобно силѣ физическаго свѣта, дѣйствуетъ постоянно и равномѣрно, составляя ежеминутное условіе жизни всего живущаго. Нерѣдко сами, воспользовавшіеся драгоцѣннымъ благомъ высшаго образованія, не ясно сознаютъ въ себѣ присутствіе этой преобразующей силы. Чтобы сразу почувствовать важность свѣта, нужно лишиться его, отъ чего да избавитъ благое Провидѣніе и насъ и наше отечество. Къ осязательному представленію результатовъ дѣятельности Университета св. Владиміра въ здѣшнемъ краѣ могло-бы привести наглядное сличеніе того, что́ было въ этомъ краѣ въ началѣ 30-хъ годовъ, съ тѣмъ, что́ видимъ здѣсь теперь. Если тогда „языкъ русскій былъ едва слышанъ на этомъ огромномъ пространствѣ", то теперь онъ пріобрѣлъ здѣсь полное и неоспоримое право гражданства. Мы отказываемся отъ такого детальнаго сопоставленія, которое повело-бы насъ далеко за предѣлы этой рѣчи. Но значеніе Университета не ограничивалось предѣлами этого края; четыре слишкомъ тысячи людей, получившихъ полное образованіе въ Университетѣ св. Владиміра, разсѣялись по разнымъ угламъ русской земли и славянскихъ странъ. Университетъ мало имѣетъ свѣдѣній о ихъ дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности. Но какъ-бы ни былъ скроменъ кругъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, сумма общихъ усилій составляетъ побѣду знанія, торжество цивилизаціи, зародышъ котораго надо отыскивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти знанія пріобрѣтены. Если невѣдомый и темный человѣкъ спасенъ отъ смерти врачемъ, то онъ обязанъ жизнію столько-же этому врачу, сколько и тому заведенію, которое его приготовило. Если гнусный порокъ прежнихъ временъ—продажность администраціи и суда постепенно исчезаютъ, то поставимъ это въ честь и въ славу какъ новыхъ дѣятелей администраціи и суда, такъ и того учрежденія, гдѣ воспитались ихъ нравственные принципы. Если тысячи людей получили воспитаніе въ гимназіяхъ, то они обязаны умственнымъ возрожденіемъ какъ своимъ учителямъ, такъ и тому университету, который ихъ далъ. Нити умствен-

наго родства передаются слѣдующимъ поколѣніямъ и развѣтвляются въ безконечность, гдѣ не можетъ прослѣдить ихъ никакая статистика.

Если несомнѣнно, что залогъ счастливой будущности нашего отечества заключается въ успѣхѣ научныхъ знаній, которыя имѣютъ свойство облагороживать и моральную сторону ихъ адептовъ, то этотъ залогъ лежитъ, преимущественно, въ университетахъ; научныя изслѣдованія у насъ до сихъ поръ весьма рѣдко появляются внѣ университетскихъ каѳедръ. Припомнимъ также, что на университетахъ лежитъ двойственная задача—не только творчество науки въ ея величавомъ и независимомъ уединеніи отъ злобы дня, но и распространеніе ея среди колеблющихся условій современной жизни. Не забудемъ наконецъ, что Университетъ не есть явленіе изолированное отъ прочихъ общественныхъ условій: онъ получаетъ матеріалъ живой изъ самаго общества и до извѣстной степени въ своихъ слушателяхъ отражаетъ какъ въ зеркалѣ современное состояніе общества, что Университету приходится бороться съ недостатками, свойственными этому послѣднему. Взявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, быть можетъ многіе изъ присутствующихъ здѣсь согласятся, что и прошлая, хотя несовершенная жизнь нашихъ университетовъ, не прошла даромъ для исторіи нашего отечества; не у всякаго можетъ быть поднимется рука нанести ударъ своей умственной alma mater.

Забудемъ, мм. гг., хотя на этотъ праздничный день ошибки и грѣхи прошедшаго; признáемъ и за нашимъ Университетомъ доблестныя страницы въ его исторіи, чтобы сохранить въ себѣ вѣру и надежду на лучшее будущее для него, а стало быть и для дѣтей и внуковъ нашихъ.
